

АЛЕКСЕЙ РЕБОРН

ОЗВЕРЕВШИЕ

18+

Алексей Реборн

Озверевшие

«Автор»

2022

Алексей Реборн

Озверевшие / Алексей Реборн — «Автор», 2022

В жизнь провинциального города приходит человек, называющий себя другом. Его появление вызывает волну самоубийств и неоправданного насилия. Напуганные жители не подозревают, что подобные события происходят по всей стране, и это лишь первый этап необъявленной психологической войны. Вскоре им предложат лекарство от страха, последствия приёма которого не смогли предсказать даже его создатели. Выжить смогут лишь те, кто сохранил в себе человечность во всех смыслах этого слова.

© Алексей Реборн, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Часть первая	7
Глава первая. Проба пера	7
Глава вторая. Право на гнев	10
Глава третья. Нестраховой случай	24
1	24
2	28
Глава четвертая. Бог видит всё	31
1	31
2	38
3	40
Глава пятая. Мертвые с рождения	41
1	41
2	44
3	44
4	47
5	50
Глава шестая. Миссия	52
1	52
2	53
Часть вторая	58
Глава седьмая. Ясновидящий	58
1	58
2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алексей Реборн

Озверевшие

Предисловие

Все события и персонажи данной книги вымышлены. Автор не призывает к расовой, национальной и религиозной ненависти. Хочу сказать спасибо моему редактору Ольге Фоминной, помогавшей мне в начале писательского пути, моему редактору Алексею Ленскому, с которым я заканчивал книгу, и моей супруге Екатерине, поддерживающей меня на всём этом пути.

Пролог

2028 год. Мир разделён на три враждующих анклава: Объединённая Западная Конфедерация, Единый Восточный Союз и Союз Братских Народов. Между ними оборваны все дипломатические связи. Мировая экономика скована бесчисленными санкциями. Постоянно звучат угрозы применения ядерного оружия, но развязывать Третью мировую войну никто не хочет.

Единый Восточный Союз давно претендовал на территории и ресурсы Союза Братских Народов. Он разработал план, позволяющий победить противника без единого выстрела, используя лишь его психологическую слабость.

Часть первая

Глава первая. Проба пера

Пятница, 25 августа 2028 г.

Участковый Александр Бодров смотрел на висящий под потолком труп, едва сдерживая рвотные позывы. Вступив в свою должность не далее чем неделю назад, он поражался своей «удачливости». Нет, ему, конечно, было известно, что самоубийства в городе не редкость, да и о печальной статистике по стране Александр знал, но в нём теплилась некая иррациональная надежда, что жизнь его оградит от всего этого хотя бы первое время. Столкнувшись с суровой реальностью, он понял, что совершенно к ней не готов. Десятки фотографий с умершими по разным причинам людьми не вызывали и десятой доли того животного ужаса, что проснулся в нём при виде настоящего трупа. Не аккуратно уложенного в гроб с фальшивой маской умиротворения на лице, а настоящего, сохранившего всё уродство тела, из которого ушла жизнь.

Окружавшие участкового люди не замечали охватившего его страха, да и выглядели так, словно ничего не произошло. Эксперт-криминалист фотографировал труп с таким безразличием, словно перед ним была кирпичная стена. Санитары, раскладывавшие носилки, что-то непринужденно обсуждали, периодически подавляя приступы смеха. Лишь некоторые зеваки, толпившиеся у входа вопреки требованию разойтись, вслух сожалели о покойном, да и те не слишком искренне. Однако, несмотря на то, как по-разному все эти люди себя вели, их объединяло одно – все они были уверены, что здесь произошло самоубийство. В этом не сомневались ни полицейские, видевшие предсмертную записку, ни соседи повешенного, знавшие о причинах, которые могли привести к трагедии. Даже сам покойный, просовывая голову в петлю, думал, что решение покончить с собой – его собственное. Но это было не так.

Андрей Гребнев, высокий сутулый мужчина возрастом едва за тридцать, работал системным администратором в торговом центре и, как водится, отвечал за работу всего, что связано с техникой, начиная с компьютеров и заканчивая электрочайниками. Работа была нервная, но хорошо оплачиваемая, обеспечивать жену, дочь и даже понемногу откладывать позволяла, потому он старался убедить себя, что работу любит. Андрей был простым человеком – выше остальных себя не ставил, помогал родным и друзьям, чем мог, мечтал накопить на новый автомобиль и сделать ремонт на кухне, давным-давно обещанный жене.

День, когда привычный уклад жизни развалился, не предвещал ничего плохого.

– Надо бы отца навестить, да и Машка по деду соскучилась. Мы сегодня съездим к нему, с ночёвкой останемся, если не против, – сказала жена Андрею за завтраком.

– Да, конечно. Не вопрос, – скрывая недовольство, ответил он.

Тестя Андрей ненавидел всем сердцем, так как любая встреча с ним становилась испытанием для его нервной системы. Будучи человеком военным, тот никак не мог смириться с тем, что драгоценная дочь вышла замуж за тощего по его меркам программиста, а не за одного из тех статных женихов, которых он подбирал из своего окружения.

– Как дела? На нормальную работу устроился, или всё по кнопочкам стучишь? – вместо приветствия говорил тесть, добавляя в тон желчи.

Андрей поначалу оправдывался, старался хоть немного понравиться старому вояке, но затем понял бессмысленность своих стараний и лишь молча проглатывал упрёки. Когда тяжёлая болезнь отняла у тестя супругу, ему припомнились все обиды. Жена уговаривала Андрея разрешить забрать к себе отца, даже комната свободная имелась, но на просьбу получила жёсткий отказ.

– Я что, похож на самоубийцу? Он же мне всю плешь проест, – чуть не кричал обычно спокойный программист. – За семь лет чего только не выслушал от него, ни слова хорошего. Раньше надо было думать.

В итоге тесть остался один в пустом доме. С трудом поборов никотиновую зависимость многие годы назад, он снова начал курить по несколько пачек в день. Не сказать, что ему это сильно помогало справиться с потерей жены. Он курил без удовольствия, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Ему просто нравилось думать, что с каждой сигаретой смерть на шаг ближе к нему, а значит, он становится на шаг ближе к любимой жене. Тогда ему и в голову не могло прийти, что непотушенная сигарета унесёт вместе с ним и дочь с внучкой, гостивших у него в ту ночь. Деревянный дом вспыхнул, как спичка. Спасти не удалось никому.

Подробности следующей недели Андрей вспоминал с трудом. Оpozнание, похороны, сочувственные речи, поразительные в своей одинаковости, – всё словно было покрыто пеленой тумана. Алкоголь дополнял ощущение невсамделишности происходящего, позволяя утонуть в блаженном забытии. Однако это продолжалось недолго, и с ощущением реальности в жизнь Андрея пришла тупая ноющая боль, не затихающая ни днем, ни ночью. Он научился с ней жить и, дабы не оставлять себе времени на лишние мысли, завалил себя работой, чем несказанно порадовал начальство. Жизнь закрутилась с новой силой, суета поглотила его, и всё могло бы пойти на лад, если бы не ранний звонок в дверь.

Перед заспанным хозяином квартиры стоял невысокий худощавый мужчина в тёмно-сером рабочем костюме, какие были популярны среди мужской половины населения за дешёвизну и носкость. Обувь, простая и неброская, тоже, по всей видимости, была куплена в магазине спецодежды. Его лицо нельзя было назвать примечательным, лишь разрез глаз при внимательном рассмотрении наталкивал на мысли об азиатских корнях.

– Чем обязан? – сказал, позёвывая, вдовец, опираясь на дверной косяк.

Не узнав гостя, он решил, что тот ошибся дверью, и в ожидании формальных извинений не снимал руки с дверной ручки, но затем встретился взглядом с незнакомцем. В этот момент в его голове что-то переменялось. По телу разошлось приятное тепло, разум затуманился. Он не мог оторвать взгляда от человека, который улыбался кроткой, доброжелательной улыбкой.

– Возможно, вы не помните меня. Я – ваш друг. Я пришёл поговорить, – мягко и певуче, словно пытаясь подманить напуганного зверя, сказал незнакомец. – Я могу войти?

– Да, конечно. Проходите, – мужчина медленно отступил.

Голос в собственной голове звучал как-то неестественно, но это не настораживало. Наоборот. Твёрдая уверенность, что рядом находится друг, расслабляла и успокаивала.

Они прошли на ухоженную чистую кухню, сели за стол, и начался долгий разговор. Вдовец рассказывал, как пахал на ненавистной работе, чтобы достойно обеспечивать семью, как потерял всех, кто был ему дорог. Он говорил о том, как ненавидит себя, ведь гибель семьи – это его вина. Однако незнакомцу были нужны не душевные откровения программиста. Ему была нужна его ненависть. Ненависть настолько сильная, что её нельзя ни забыть, ни унять. Ненависть, с которой просыпаешься и засыпаешь каждый день, пока не получится от неё освободиться. Называвший себя другом знал, как освободить человека от ненависти с пользой для себя, для миссии, которую он должен был выполнить.

Незнакомец ушёл, и через мгновение в памяти Андрея не осталось и следа от их недавнего разговора. Он сидел за столом, уставившись невидящим взглядом в пустоту, пока из глубины его души поднималась та всепоглощающая тоска, что делала жизнь, потерявшую смысл, невыносимой. Она делала еду безвкусной, краски блёклыми, любое телодвижение напрасным. Она причиняла боль от каждого вдоха, от каждой прожитой секунды, заставляя думать только о том, как всё это прекратить.

Когда тело Андрея выносили из подъезда, друг сидел на лавочке у дома напротив и наблюдал. Он не сомневался в том, что это произойдёт, ведь ему не пришлось ничего вну-

шать этому несчастному мужчине. Его ненависть, выросшая в порочное желание свести счёты с жизнью, уже была в нём. Она поела его изнутри, словно ржавчина прогнившие трубы. Всё, что сделал *друг*, – это собрал её воедино и положил на поверхность сознания. В то место и в той концентрации, что нет ни сил, ни желания с ней бороться. Хочется отдаться ей, позволить ей поглотить себя и, наконец, освободиться.

Друг знал, что это лишь проба пера, ведь ненависть этого человека была заиклена на нём самом. Освободить его не составило особого труда, но и результат был скромным. *Другу* требовались другие люди, ненависть в которых гораздо сильнее и жаждет вырваться наружу, во внешний мир. И стоит только помочь этим людям выпустить её, как она начнёт их руками разрушать всё вокруг. В этой миссии *друг* был не одинок. Таких, как он, были сотни. Они, разбросанные по всей стране, должны были устроить хаос. Морально раздавить население страны, чтобы подготовить его к главному оружию. Более массовому, более сильному. Оружью, способному очистить вражескую территорию без единого выстрела. Это оружие должно было стать самым милосердным за всю историю человечества. Оно подарит побеждённым счастье, какого они ещё не испытывали, и в благодарность они отдадут свои дом и землю.

Глава вторая. Право на гнев

Суббота, 26 августа 2028 г.

Квартира, расположенная в бывшем общежитии на окраине города, мало чем отличалась от себе подобных. Единственная крохотная комната была завалена хламом и пустыми бутылками. Немногочисленную старую мебель покрывал толстый слой пыли. Выцветшие обои со множеством застарелых пятен местами отваливались от стен. Годами невымытое окно едва прикрывала дырявая занавеска, висящая на пяти-шести крючках. Спёртый воздух наполнял кислородный запах перегара и затхлой одежды. Тишину, глубокую и абсолютную, на мгновение прервал короткий электронный писк – на часах было ровно одиннадцать утра.

У стены на кровати с желтоватым засаленным бельём спала женщина. Она никак не выглядела на свои сорок три года. Бледное, словно обескровленное, лицо, было испещрено глубокими трещинами морщин. Ссохшиеся тонкие губы покрывали багровые сморщенные ранки. Мешки под глазами напоминали сливы, покрытые белёсым налётом. Ломкие, мышинового цвета волосы с проседью за ночь сильно спутались – она ворочалась во сне, ей снова снились кошмары.

Жизнь этой женщины давно стала подобием синусоиды, в которой лёгкая апатия и глубокая депрессия попеременно сменяют друг друга. Работа бухгалтером в небольшом хозяйственном магазине позволяла ей лишь худо-бедно питаться, платить по счетам и напиваться каждым пятничным вечером. Последнее стало единственным, что приносило ей радость. Сидя на кухне за бутылкой дешёвого крепкого вина, она часто вспоминала далёкий восемнадцатый год, когда у неё был процветающий бизнес, собственный водитель и заискивающие партнёры, которые уважительно звали её Надин на французский манер. Тогда она и подумать не могла, что встреча с бывшей одноклассницей станет отправной точкой на пути к нищете и одиночеству.

Тот роковой день не задался с самого утра. Хвалёная продавцом кофемашина выдала какую-то ошибку и отказалась работать. Турка, оставленная без присмотра на долю секунды, предательски извергла из себя мутное варево на плиту. Холодильник, несмотря на кучу наворотов, снова не наполнился сам собой и не порадовал ничем, кроме пары яиц и нескольких пучков горькой, но очень полезной зелени. Ограничившись стаканом воды и сигаретой, Надин дождалась своего водителя и поехала на работу.

Агентство недвижимости, которым она владела со дня его основания, к тому моменту опутало сетью всю область. Дотошность в подборе кадров и последующий строгий контроль над их работой позволил фирме стать одной из лучших, но прорваться на столичный рынок никак не удавалось. Оправдание в виде высокой конкуренции Надин не устраивало, и поиск удобных решений не прекращался последние полгода.

Получив от секретарши долгожданную чашку кофе, она заперлась в кабинете, где весь последующий день совершала и принимала звонки, листала ленты новостных агентств, прикидывала, в каком районе лучше открыть первый офис. К концу дня голова раскалывалась, в висках стучало, но ничего путного на ум так и не пришло. Разочарованная, Надин потребовала к себе заместителя и, велев ему оставаться за главного, уехала прочь, надеясь, что ужин в итальянском ресторане и секс со спортивно сложенным водителем поднимет ей настроение.

– Чёрт, кажется, сигареты в офисе забыла, – сказала Надин, ковыряясь в сумочке. – Серёж, останови у магазина.

– Момент! – весело протянул водитель и спустя пару минут припарковался у средней паршивости супермаркета. – Сама сходишь, может? А то куплю не те, уволишь ещё.

Его ехидная улыбка ей всегда нравилась, но сейчас почему-то вызвала раздражение. Сначала Надин подумала, что это от усталости или от злости на свою забывчивость, но потом поняла истинную причину. Её тайный любовник начал наглеть. То бегал вокруг неё, и дверь откроет, и ручку подаст, а тут стоило ей с ним закрутить интрижку, как все манеры куда-то пропали.

– Ты прекрасно знаешь, какие я курю. Не кривляйся, я сегодня не в духе, – сказала Надин сухим тоном.

– Всё, всё. Уже бегу, – нарочито примиряюще согласился Сергей и тут же удалился.

Едва дверь захлопнулась, Надин вновь погрузилась в бездонные глубины женской сумочки, мельком про себя отметив, что лучше всё-таки поискать другого водителя.

– Вот вы где, проклятые, – прошипела она сквозь зубы, когда заветная пачка оказалась в руках, и вышла из машины.

Курить в салоне она позволяла себе крайне редко – всё же бедное детство приучило её ценить хорошие вещи. Выудив сигарету из пачки, Надин встала в мужиковатую позу. Зажигалка лязгнула полированной сталью, и струйка дыма прорезала воздух. Сверля взглядом вход в супермаркет, она снова начала злиться. Вечно в них очереди – зачем туда вообще люди ходят. От гневной мысленной тирады её отвлекло жутко знакомое лицо.

– Свет, ты, что ли? – крикнула Надин молодой женщине с коляской, за которой семенил мальчик лет пяти.

Растрёпанная и замученная, бывшая одноклассница хотела сделать вид, что не слышала, но её окликнули ещё раз. Притворяться дальше было глупо, и, изобразив смесь удивления и радости, Света пошла навстречу старой подруге.

Непринуждённого общения на тему «а помнишь, как мы в былые времена» не получилось. Одна – преуспевающая бизнес-леди, другая – домохозяйка с двумя детьми, живущая на зарплату мужа. Разговор получился вымученным, вялым и вскоре сошёл на нет. Надин вернулась на пассажирское сиденье сама не своя, не понимая, что её расстроило.

То, что дело было не в пропасти между ней и старой подругой, она была уверена, но что-то начало её угнетать. Наорав на вернувшегося через целую вечность водителя, она велела ему везти её домой, где долго и предпочитая быть сверху, занималась с ним сексом, отдаваясь процессу с несвойственным ей остервенением. Сергей по возвращении из магазина видел и сигареты в её руках, и резкую перемену настроения, потому, списав всё на приближающиеся месячные, спокойно уснул. Надин же полночи провела без сна, осознавая, что в её жизни нет никого, кому она была бы по-настоящему нужна.

Как и многие девочки, в детстве Надя играла в дочки-матери, заботилась о пластиковых младенцах и, бегая с обрывком марли на голове, представляла себя невестой. Ни пьющий отец, ни вечно орущая на него мать не сломали в ней мечту о семье. Она верила в то, что вырастет и создаст свою, нормальную семью, но всё как-то не срасталось.

Незадолго до окончания школы её отец умер от инфаркта, и вместе с горем в их дом пришла острая потребность в деньгах. Мать, работая в местном Доме культуры, получала копейки, младшая сестра Аня училась в седьмом классе, потому Наде пришлось забыть о дальнейшей учёбе и начать работать. От участи посудомойки спасли отцовские связи – один из его друзей пристроил её к себе в офис на незаурядную должность. Без образования, но с огромным желанием вырваться из нищеты, она трудилась не покладая рук, хваталась за любую подработку, и её старания оценивали должным образом. За четыре года Надя прошла путь от девочки на побегушках до помощника главного менеджера по закупкам, тем самым существенно увеличив свой доход. Потребность в деньгах перестала висеть над ней дамокловым мечом, и в один день она с удивлением обнаружила, что женщины с мужчинами могут общаться не только на работе и о работе.

– Надь, ты помнишь, что у меня день рождения в субботу? – спросила однажды коллега, одна из немногих, кого не отпугнул её карьеризм. – На этот раз не отмажешься. Сверхурочных в этом месяце не будет, я узнавала.

– Да, Нин, конечно. Я приду, наверно. Если ничего не изменится... – лицо покраснело, взгляд опустил, от страха тело начало бить мелкой дрожью. Она не знала, как одеваться, о чём говорить с людьми вне офиса, который казался ей таким понятным и безопасным.

– Надь, Надь, посмотри на меня! – тонкие пальцы взяли её за подбородок. – Ты хочешь закончить, как эти кошёлки из бухгалтерии? У тебя на кошек аллергия, так не получится.

Надя подняла влажные глаза, затем усмехнулась. На день рождения она всё же пришла.

Дверь, за которой шумела музыка, открылась неожиданно резко. Именинница, встречавшая каждого гостя лично, взяла Надю за руку и потянула в другой мир – зеркальный тому, что она привыкла видеть. Было ярко, было громко, было непонятно. Все общались, смеялись, что-то кричали, роняли мебель, оказавшуюся не в том месте и не в то время. Казалось, что все эти люди на работе только и делали, что сдерживали свою энергию, чтобы позволить ей взорваться красочным фейерверком, как только появится повод. Надя чувствовала себя чужой на этом празднике жизни, но и уходить не хотелось, и, спустя полбокала вина, она немного расслабилась. Беззаботная музыка подхватила её тревожные мысли и унесла куда-то прочь, в далёкую серую бездну, где живут «понедельники», «отчёты» и слово «надо». В тот вечер она впервые влюбилась.

Он подсел к ней под конец праздника – подтянутый, черноволосый, в очках на тонкой оправе. Представился Димой. Надя сначала подумала, что он пьян – уж больно несвязна и эмоциональна была его речь, но спустя некоторое время поняла, что тот просто волнуется. Разговор заводился туго, словно дизель на морозе, но, зацепившись за какую-то тему из детских воспоминаний, закрутился, набирая обороты. После дня рождения они долго переписывались, проводили вечера в одной компании. Чем больше общего они друг в друге находили, тем явственнее их дружба перерастала в нечто иное, и однажды, ознаменовавшись неловким, но трогательным поцелуем, превратилась в настоящие отношения. Однако долго они не длились, и на то была одна причина.

Оксана Владимировна, мать Нади, была человеком со сложным характером. Невысокая, полная женщина с короткой шеей и близко посаженными глазами, она старалась держать под контролем всё, до чего дотягивался её мысленный взор. От неё старались держаться подальше родственники, уставшие слушать о том, как они неправильно живут. Её избегали коллеги, которые, по её мнению, всё делали не так, как надо. Друзей у неё не было вовсе, что она легко объясняла тем, что люди не любят, когда им говорят правду. Но больше всех от её характера страдали муж и дети.

Отец Нади, Роман Игоревич, в советское время работал инженером на заводе. Он был доволен и зарплатой, и должностью, в начальники не рвался, но супругу это в корне не устраивало. Она обвиняла его в пассивности и лени, приводя в пример его более успешных коллег, говорила, что ему наплевать на семью. Когда рухнула страна, в которой Роман родился и вырос, ему действительно стало наплевать. Он крепко запил, стал поздно приходить с работы домой и приносить не всю зарплату. Раздражительный тон в голосе Оксаны постепенно сменился криком, гневным и требовательным, но Роман будто не слышал его, чего нельзя было сказать об их детях.

Едва отец переступал порог квартиры, Надя уводила сестру в их общую комнату, стараясь занять её одной из детских книжек. Когда буря обвинений за стеной перерастала в ураган, они уходили на балкон, но и там всё было слышно. Надя убеждала Аню, что ругаются не их родители, а соседи, но та слабо в это верила и часто плакала.

Шли годы, а в войне с пьянством мужа Оксана терпела поражение за поражением. Озлобляясь с каждым днём, она начала срывать на детях, которые, в отличие от отца, от её крика столбенели и делали всё, что она им говорила. Это стало для неё некой отдушиной, напоминанием того, что её правота хоть где-то является неоспоримой. Сама того не замечая, она превращала своих детей в послушных роботов, что не могло не сказаться на неокрепшей детской психике. На фоне сверстников Надя казалась чересчур молчаливой и заботливой, Аня – тревожной и плаксивой. Об этом пытались поговорить некоторые учителя, но Оксана им тут же сообщала, что с воспитанием собственных детей она справится сама. Родственники, знакомые и соседи таких разговоров вовсе избегали, хоть и видели, что делает с девочками обстановка в семье. В итоге кардинально изменить жизнь сестёр смогла лишь смерть их отца.

Надя осознала, что эта потеря и, как следствие, необходимость работать вырвали её из властных рук матери. Финансовая зависимость от дочери сделала ту лояльнее и молчаливее. Множество переработок, что свели их общение к минимуму, радовали обеих, пусть и по разным причинам.

Когда в жизни Нади появился Дима, ей было двадцать два. На тот момент Оксана Владимировна в жизнь старшей дочери не лезла совсем. Та регулярно отдавала большую часть зарплаты, много работала, и о том, что она стала достаточно взрослой, чтобы интересоваться мужчинами, не возникало и мысли. Так оставалось до тех пор, пока Надя не сказала, что хочет выйти замуж и уехать с возлюбленным на другой конец страны, куда того решили перевести с повышением.

Мать заставила дрожать колени старшей дочери, не успев сказать ни слова. Её лицо, ещё минуту назад умеренно доброжелательное, пугающе преобразилось: щёки покраснели, на лбу начала пульсировать вена, даже глазные яблоки, казалось, налились кровью и стали больше. Но самое страшное, из её рта вырвался крик, который всегда превращал Надю в маленькую безвольную девчонку.

– Ты никуда не поедешь, я сказала! – кричала Оксана, не задумываясь о том, что в панельном доме её прекрасно слышат все соседи. – Я тебя растила, поднимала, и вот благодарность? Хочешь бросить меня с ребёнком одну, чтоб мы с голоду сдохли?

– С ребёнком? Да я в её годы уже работать пошла, – начала противиться Надя. – Говорю же, я буду помогать, высылать деньги.

– Это ты сейчас так говоришь, – возражала мать. – Чувство долга на расстоянии притупляется, знаешь ли.

– Мам, ты не права. Я же сказала, что...

– Так если я не права, отпусти своего женишка одного, на год хотя бы. Если он выдержит, я отпущу тебя. Я тебе поверю. Согласна?

Надя не смогла бы возразить, даже если бы ей просто запретили, поэтому согласилась. Однако, понимая, что год без любимого ей самой будет тяжело, она всё же попросила Диму остаться. Услышав просьбу, тот сначала отвел глаза, затем тяжело вздохнул и сказал, что все бумаги подписаны, и назад он пойти не может. Не только потому, что дорожит репутацией, но и потому, что больше всего на свете мечтает сбежать из этого ненавистного города, в котором слишком долго приходилось страдать. У них действительно было много общего. Дима тоже пережил тяжёлое детство, от воспоминаний о котором так трудно убежать.

Спустя неполный месяц он уехал, и первые полгода они постоянно созванивались. Работа и разделявшие их три с лишним тысячи километров не позволяли встретиться, но оба постоянно говорили об этом желании. Надя верила, что у них всё получится, пока Дима не позвонил пьяным и не сказал:

– Надя, прости. Так больше не может продолжаться. Если ты меня действительно любишь, приезжай ко мне.

– Я так не могу, Дим. Прости, я не осмелюсь, – сквозь слёзы говорила она.

– Ты должна решить, что сильнее: страх перед матерью или чувства ко мне. Решай прямо сейчас, – его голос был спокойным и жестким.

– Я не могу. Прости.

После этих слов он положил трубку и сменил номер. Больше она его не видела.

Разрыв дался ей тяжело. Надя замкнулась в себе, оборвала все связи с друзьями, работа вновь стала для неё всем. Параллельно со штурмом карьерной лестницы она начала учиться на заочном, а затем и вовсе всех удивила, уйдя с хорошей должности и открыв своё дело.

Лёжа на кровати с водителем, которого совсем недавно хотела уволить, Надин вспоминала свой жизненный путь. Она, наконец, поняла, почему встреча с бывшей одноклассницей выбила её из равновесия. У Светы, в отличие от неё, была семья. Пусть с нехваткой денег и хроническим недосыпом в придачу, но она у неё была. Света была нужна мужу и детям настоящему. Они не делали вид, что любят её – они её действительно любили.

Надин начала представлять, как бы сложилась её судьба, решилась она тогда уехать с Димой. В её памяти он оставался таким же доброжелательным и улыбчивым. Он стал бы прекрасным мужем и отцом, в этом у неё не было сомнений. Надин не могла понять, почему лишила себя этого шанса? Страх перед матерью? Об этом было смешно даже подумать. За долгие годы в бизнесе она начала забывать, что такое страх. В особенности перед матерью, что жила теперь вместе с сестрой полностью за её счёт. Другие причины Надин на ум не приходили. Она не могла поверить, что пресловутый страх – это единственное, из-за чего вместо мужа и детей её окружает кучка алчных льстецов и завистников.

От всех этих мыслей Надин почувствовала себя такой несчастной, что сама не поняла, в какой момент разрыдалась. Сергей, разбуженный безудержным плачем, сначала не понял, что происходит. Его начальница зарекомендовала себя сильной женщиной со стальным характером. Он не мог поверить, что она может плакать, и поначалу растерялся, но затем выдал неуклюжее «ну, ладно тебе» и обнял. Надин не сопротивлялась. Она, наконец, осознала, чего хочет на самом деле. Чего всегда хотела.

С того дня Надин всерьёз вознамерилась наладить свою личную жизнь. Её общение с водителем обрело сугубо деловой характер, с мужчинами из своего окружения напротив, стало более легкомысленным и кокетливым. Она бросила курить, перестала затягивать волосы в тугий хвост, начала экспериментировать с косметикой, но её стараний никто не замечал. Выяснилось, что потенциальные кандидаты на место в её сердце либо женаты, либо довольны своим холостяцким статусом. Когда надежда найти себе мужчину среди коллег и приятелей иссякла, Надин начала поиск на стороне. Она стала посещать фитнес-клубы, различные семинары, бары и рестораны, даже на сайте знакомств зарегистрировалась – всё оказалось бесполезной тратой времени. Одним был нужен только ни к чему не обязывающий секс, другие слишком рьяно интересовались её достатком. Немногим бескорыстным мужчинам, что ей попадались, не хватало смелости даже взять её за руку. Высокая, стройная, уверенная в себе женщина вызывала в них лишь страх. После полутора лет неудач Надин начала думать, что муж ей не так уж и нужен. Родить ребёнка и воспитать его одной уже не казалось плохой идеей. Вскоре Сергей вновь стал не просто водителем, а спустя ещё некоторое время Надин увидела заветные две полоски на тесте.

С начала второго триместра ей пришлось передать управление фирмой своему заместителю – талантливому молодому человеку, взятому под её крыло сразу по окончании института. Нервная работа не шла на пользу и без того проблемной беременности – сказался и возраст, давно переваливший за тридцать, и образ жизни не самый здоровый. Надин искала поддержки у матери – всё же стараниями дочери её благосостояние выросло до немислимых прежде вершин, но та не стала скрывать неприязни к её интересному положению. Оксана называла это

глупостью и безрассудством, но её негодование довольно быстро пошло на убыль. Катастрофа началась спустя три месяца, когда стало известно, что молодой заместитель, наслушавшись советов «доброжелателей», утопил фирму в долгах. Надин была уверена, что он справится, в заботах о будущем ребёнке редко утруждала себя звонками, потому спохватилась слишком поздно. Встал выбор – либо вытаскивать фирму, поставив под удар ребёнка, либо позволить той обанкротиться. Надин, не долго думая, выбрала второе. Нищета ей не грозила, ведь большая часть накоплений была оформлена на мать с сестрой. Этих денег вполне хватило бы всей семье лет на десять спокойной, пусть и не роскошной, жизни. Начать новое дело, когда малыш подрастёт, тоже было реально. К сожалению, у Оксаны на этот счёт было другое мнение.

Она изводила дочь звонками, эмоционально и в красках расписывая, как они по миру пойдут, если не возьмётся за голову и не спасти фирму. Объяснять, что это не так, было бесполезно. Со временем звонки стали всё настойчивее, а их содержание наполнялось всё большим гневом. Дошло до того, что Надин перестала брать трубку, но и это не помогло. Мать пришла к ней домой и устроила скандал.

– Да наплевать мне и на фирму, и на деньги. Это тебе всё мало. Я уже лишилась из-за тебя мужа. Хочешь меня довести, чтобы я и без ребёнка осталась? – выпалила Надин в горячке ссоры. – Я не позволю тебе второй раз всё испортить. Уходи. Оставь меня, наконец, в покое.

– Ты неблагодарная дрянь! Я тебя оставлю. Да, оставлю, – кричала мать, грозя пальцем. – Только знай, что ты для меня умерла. У меня нет старшей дочери.

Надин переменялась в лице. Её мать была не из тех, кто бросается громкими словами, а затем, поостыв, забывает о них.

– Мам, не говори так, – Надин бросилась за матерью, собравшейся уходить, взяла её за руку, но та грубо её отдернула.

– Не смей меня трогать, иначе я тебе врежу, – сказала она с такой злобой, что Надин отшатнулась.

Наступила тишина, в которой были слышны лишь гулкие шаги, после чего дверь с грохотом захлопнулась. На ватных ногах Надин дошла до дивана и легла на бок, сотрясаясь от рыданий. Тем вечером её увезли из дома на машине скорой помощи. Врачи не смогли ничем помочь, и она осталась совсем одна.

Перевести дух в тишине и одиночестве у неё не получилось. Вскоре после процедуры банкротства имущество оказалось арестовано, счета заморожены. Кроме квартиры в общежитии, купленной когда-то из желания поскорее уехать от матери, у неё ничего не осталось. Забывтая за годы нищета вновь поглотила её. Требовать от матери часть денег Надин не стала, прекрасно понимая, что это бесполезно. Попросить помощи не позволяла гордость, а когда она на это всё-таки решилась, её просто выставили за дверь. С тех пор жизнь пошла по наклонной. Чтобы прокормить себя, Надин устроилась продавцом в обычный супермаркет. Она замкнулась, половину зарплаты стала спускать на алкоголь, сначала дорогой, а со временем на какой придётся. И вот ей сорок три, она одна, и всё, что у неё осталось, – это маленькая квартирка в общежитии и ненависть. Ненависть ко всему миру.

Ближе к обеду немного распогодилось. Тучи расступились, и солнечный свет, яркий, жизнерадостный и такой неуместный в пропитанном отчаянием месте, заполнил собой пространство. Однако сон не отпустил Надин, даже когда раздался звонок в дверь. Возможно, на этом бы всё и закончилось, если бы она спяну не забыла закрыть замок. Незваный гость без труда попал в квартиру, осмотрелся, вдохнул полной грудью. Скрипя половицами, он прошел внутрь и, присев на стул у заваленного хламом стола, стал ждать, пока на него обратят внимание.

Надин тем временем ворочалась всё сильнее, пытаясь вырваться из оков мучительного сна, который, словно машина времени, перемещал её по чёрным страницам прошлого. Вот

больничная палата, в которую она попала с острой болью в животе. Заходит врач. Видно, что ему было бы проще жевать битое стекло, чем говорить эти слова, но он говорит. Услышав их, она содрогается всем телом, до боли в костяшках сжимает одеяло и издаёт такой душераздирающий крик, что у пациентов и медицинского персонала во всем здании пробегают мурашки по спине.

Когда сон досыта напился болью и, наконец, выпустил несчастную из своих объятий, та лежала вся в слезах, раскрыв рот в беззвучном крике. Пальцы так же, как и в тот день, сжимали ни в чём не повинное одеяло, словно пытались вырвать из него клочок. Силясь унять слёзы, Надин мысленно стала себя уговаривать:

«Всё хорошо. Это всего лишь сон. С тобой ничего такого не происходило. Это было с кем-то другим, помнишь? Ну вот, молодец».

Успокаивающие мысли неожиданно прервал незнакомец, деликатно покашлявший в кулак. Увидев его, Надин подпрыгнула, машинально прикрывая одеялом грудь, хоть в этом и не было необходимости – она уснула в одежде.

– Ты кто такой? Что ты здесь делаешь? – скорее просипела, чем выкрикнула женщина.

– Я твой *друг*. Я пришёл помочь тебе, – примирительным тоном сказал незнакомец.

Надин отползла к спинке кровати, пытаясь понять, что происходит. Какой ещё друг? У неё была идеальная память на лица, и будь то её знакомый, она бы точно его запомнила. Ей, конечно, доводилось сильно напиваться, но она всегда помнила, с кем была и что с ней происходило. И всё же весь облик незваного гостя говорил о том, что он знает её не первый год.

– Так, подождите. Мы точно знакомы? – спросила Надин, перебирая обрывки памяти, и тут *друг* поймал её блуждающий взгляд.

– Конечно. Просто ты ещё не вспомнила. Я твой старый *друг*. Я только сейчас узнал, в каком положении ты оказалась, – с горечью сказал *друг*.

Надин смотрела в глаза незнакомцу, не в силах оторвать взгляд. Она слушала внимательно, боясь упустить хоть тень звука, словно его устами говорили ангелы. По телу разлилось приятное тепло, мысли в голове замедлили бег и словно поплыли в невесомости.

– Я считаю, ты не заслужила того, что с тобой произошло. Ты со мной согласна? – спросил *друг*.

– Да. Я не заслужила этого. Я согласна, – сказала Надин тоном, будто читала отрывок из скучной книги.

– Я могу помочь тебе. Прости, ты не можешь мне сказать своё имя? – ненавязчиво спросил *друг*.

– Надя. Нет, Надин, – медленно проговорила женщина.

– Хорошо. Я могу помочь тебе, Надин. Помочь понять, почему всё так получилось. Ты ведь знаешь, кто во всём этом виноват? – все тем же спокойным голосом спросил незнакомец.

На минуту в комнате воцарилось молчание. *Друг* чувствовал, как в чистый незамутнённый разум женщины тяжёлым камнем падает вопрос, заставляя ненависть, осевшую в глубине, всколыхнуться и устремиться вверх. *Он* видел, как гримаса гнева появляется на её лице, слышал участившееся дыхание.

– Я... Я знаю, кто во всём виноват, – разлепив пересохшие губы, отстранённо прохрипела Надин. – Это те сволочи, что довели меня до разорения. Хотя... – её зрачки едва заметно задержались. Целей оказалось слишком много. Больше, чем ненависти. Её ненависти была нужна другая цель – более яркая, более конкретная. Взгляд вновь замер, словно нашёл точку опоры, и Надин продолжила:

– Нет. Не они. Бизнес не знает пощады. Я должна была это предвидеть. Но я не хотела им заниматься.

Она говорила с трудом, прерываясь долгими паузами, но её речь становилась всё более и более осмысленной, в неё неуверенно вплетались нити эмоций.

– Я хотела лишь быть нужной кому-то. Дарить своё тепло и ласку. Я хотела семью. Свой маленький дом, детей. Боже, я так люблю детей. Если бы тогда мать позволила мне уехать с ним, всё было бы по-другому.

– Почему же ты не уехала? – участливо спросил *друг*. – Это твоя жизнь и ты вправе делать с ней всё, что хочешь.

– Знаю, – протянула Надин. – Я всё понимаю, но... Тогда я не могла поступить иначе. Не знаю почему. Просто не могла. Она дала нам шанс. Нужно было только подождать, а он не смог. Это сломало меня. Я стала жить для себя, для своего дела. Я и забыла о том, что когда-то хотела семью, пока Светку не встретила. Я решила, что у меня всё равно будет малыш, пусть даже без отца. И я забеременела от своего водителя. Я говорила, что пью таблетки, и он поверил. Мне не нужен был мужчина, чтобы вырастить ребёнка. Всё было бы хорошо, если бы моё дело не рухнуло. Мать каждый день орала на меня. Она привыкла жить красиво. Она орала, а потом... Я потеряла своего малыша. Из-за неё. Из-за неё потеряла.

Ненависть, прежде слепо и хаотично заполнявшая разум женщины, начала собираться воедино, словно пальцы в готовый к удару кулак. *Друг* чувствовал зарождающуюся в ней разрушительную силу. Она росла, металась диким зверем в поисках жертвы, заставляя незнакомца испытывать страх, желание убежать, оказаться подальше от нее и как можно скорее. Но разбудить зверя в этот раз было недостаточно.

– Накажи её, – мягко, но требовательно сказал *друг*.

– Наказать? – медленно, словно пробуя слово на вкус, проговорила Надин.

– Да. Ты должна сделать это. Ради своего малыша. Ты должна наказать её.

Едва *друг* ушел, Надин уже не помнила об их разговоре. Всё её существо занимала лишь одна мысль – «я должна отомстить». Она не могла понять, почему раньше этого не сделала. Ей следовало показать матери, что это такое – лишиться всего, оказаться на обочине жизни, брошенной, нищей, никому не нужной.

Перепополняемая решимостью, Надин сняла с себя всю одежду и пошла в душ. Подставив тело под поток холодной воды, она закрыла глаза. Её пробрала дрожь, на мгновение перехватило дыхание. Похмельная слабость уступила место некой злой бодрости. Казалось, тугие струи смывают всю грязь, что она незримо несла на себе все эти годы, возвращая былую силу, гордость, негибимость.

Вытершись насухо, Надин вернулась в комнату и растерялась. Старые грязные тряпки, что служили ей одеждой, совершенно не годились для мести, такой долгожданной и торжественной. Единственное, что подходило для этого, лежало в её тайнике, где когда-то, помимо прочего, хранились деньги на чёрный день. Последние сбережения были давным-давно потрачены, но тайник по-прежнему существовал. Встав на колени перед кроватью, Надин достала из-под неё пластиковый дорожный чемодан с кодовым замком. Она понимала, что надёжность такого хранилища близка к нулю, но всё равно запутывала три числа на замке после каждого использования. То был скорее ритуал, чем попытка обезопасить содержимое. Этим Надин говорила себе, что есть ещё что-то ценное в её жизни.

Когда числа на вращающихся колёсиках сложились в «310», замок открылся. Внутри чемодана лежало несколько полиэтиленовых полупрозрачных свёртков. В самом большом из них был её первый действительно хороший деловой костюм, сшитый по меркам. Он был прост и сдержан, можно сказать, чопорен, зато пиджак идеально подчёркивал её стройную талию, а зауженные брюки выделяли красивые длинные ноги. В этом костюме Надин проводила первые судьбоносные для фирмы переговоры. В нём она заносила увесистые конверты в кабинеты алчных, но полезных для дела толстяков. В нём всё получалось с такой непринуждённой лёгкостью, что казалось, за спиной выросли крылья.

Переход из среднего класса в высший заставил сменить скромный «Киа» на роскошный «Лексус», студию в доме близ окраины на квартиру в элитной новостройке в центре. Отказываться от старого в пользу нового было легко. Машины и квартиры продавались, тут же исчезая из памяти, но с этим костюмом было иначе. Когда появляться в нём перед коллегами и подчинёнными стало просто неприлично, Надин бережно упаковала его и спрятала на верхней полке шкафа. Пока другие костюмы более престижных брендов сменяли один другой, заполняя собой гардероб, этот терпеливо лежал на месте и ждал.

Падая с верхов в низы, словно сгорающий в атмосфере метеор, Надин распродала за бесценок всё, до чего не дотянулись руки судебных приставов, но с этим костюмом так и не смогла расстаться. Она верила, что её время ещё придёт и он ей пригодится. Время пришло, пусть тогда оно виделось несколько иначе.

Собрав ещё влажные волосы в тугий хвост, Надин надела чистое бельё, любимый костюм и встала перед зеркалом в прихожей. Покрутившись, она не без удивления отметила, что ничуть не поправилась и, если бы не глубокие морщины на отёчном лице, могла бы сказать себе, что хорошо сохранилась. Сунув руки в карманы брюк, Надин нащупала в одном из них гладкий стальной прямоугольник. Вытащив его и осмотрев, она узнала в нём свою зажигалку, с которой не расставалась, пока не бросила курить. Большой палец привычным движением откинул крышку, несколько раз прокрутил колёсико, искры кремня зажгли пламя. Надин долго заворожённо смотрела на пляшущий огонёк, уже зная, какую роль ему предстоит сыграть в этот день.

Скрепя сердце, она заставила себя надеть старые невзрачные туфли, в которых ходила каждый день на работу – других у неё просто не было. Взяв с собой складной нож и пустой дорожный чемодан, Надин вышла из дома. О том, насколько её внешний вид бросается в глаза среди грязи окраинских улиц, тут же сообщил подпитой сосед, куривший самокрутку на лавочке у подъезда. Проявилось это в более рьяном и хуже завуалированном, чем обычно, предложении интимной близости. Так как одна рука была занята ручкой чемодана, а другая сжимала в кармане нож, Надин пренебрегла традицией и не продемонстрировала соседу средний палец. По дороге в гаражный кооператив, куда она направлялась, пришлось выслушать ещё несколько сальных шуточек от молодых уголовного вида парней. Так как они были пьяны настолько, что плохо стояли на ногах, опасности от них ждать не приходилось, и обойти их по дуге оказалось достаточно.

Валерий Михайлович Баринов, дородный мужчина лет пятидесяти с рыжей седеющей бородой, как обычно сидел со своим помощником в гараже, разбирая очередной сгнивший до неприличия автомобиль. Это был его основной источник дохода, по местным меркам, весьма неплохой. Из развалюх, купленных у запивших владельцев, он бережно извлекал любые пригодные для использования запчасти, которые охотно покупали как магазины с автосервисами, так и простые трудяги, подрабатывающие ремонтом. Особым спросом пользовались детали от иномарок, ввоз которых попал под запрет пятью годами ранее. Помимо этого, у Валерия Михайловича можно было купить ходовое топливо в пятилитровых пластиковых канистрах. Местные беспризорники регулярно опустошали даже самые хитро защищённые баки, потому спрос был хороший. Злые языки распускали слухи, что Баринов в сговоре с малолетними преступниками, но в лицо ему этого никто не говорил. Не потому, что боялись – Валерий Михайлович был на редкость улыбчивым и доброжелательным, а потому, что при встрече с ним пропало всякое желание скандалить.

Увидев Надин у ворот гаража, Баринов оживился и расплылся в улыбке.

– Батюшки мои, это кто к нам пожаловал, – проскрипел он преувеличенно старческим тоном. – Леший, у нас гости.

Из-за капота показалась вымазанная в масле и грязи голова с надетой не по погоде шапкой.

– Мне нужен бензин. Три канистры, – кивнула Надин, прикинув, сколько влезет в её чемодан.

– У меня самый приличный – это девяносто второй, – с сомнением протянул Валерий, задумчиво глядя на женщину в хорошем деловом костюме.

– Именно такой мне и нужен, – торопливо согласилась Надин.

– Ну, слава Богу, – с облегчением выдохнул Баринов и стал доставать канистры из старого нерабочего холодильника. – У вас тоже слили за ночь? Далеко? А то может, помощь нужна. Тяжело хрупкой девушке столько тащить.

– Нет, нет. Не нужно. Это совсем недалеко, – Надин старалась выглядеть спокойной, хотя внутри у неё всё задрожало.

– А раз недалеко, так тем более надо помочь, – хохотнул Валерий. – Леший, вытри рожу и проводи даму. Хотя нет, не вытирай. Ты так грознее выглядишь.

– Пожалуйста, не надо. Прошу вас, – в этот раз Надин не смогла сдержать страх в голосе. Баринов с помощником подозрительно переглянулись. – Меня у машины молодой человек ждёт. Он очень ревнивый, может понять неправильно.

Валерий кивнул понимающе, но неодобрительно, и сказал:

– Что за мужики пошли, ей Богу. Ладно, давайте хоть канистры газетой оберну, а то весь чемодан изгадится.

На это она возражать не стала и, расплатившись, торопливо ушла прочь.

Потяжелевший чемодан едва подпрыгивал на дорожных кочках. Выдвижная ручка тряслась, словно поводок в зубах заигравшегося пса. Затянутые в хвост волосы неспешно раскачивались в такт шагам. Любопытные взгляды прохожих цеплялись за Надин и тут же соскальзывали. Её разум при этом погрузился в некий вакуум, пустой и бездумный, и лишь издали, откуда-то из-за его границ, в её сознание пробивался полный тревоги и сомнений вопрос:

– Неужели я это сделаю?

На что в бесстрастной пустоте тут же возникал ответ, звучащий спокойно и безмятежно:

– Да. А в чём, собственно говоря, проблема? Разве осталось хоть что-то, что можно потерять? Нет. Нет ничего и никого. Поймают? Посадят? А кто сказал, что им это позволят?

Ладонь в кармане ещё крепче стиснула рукоять ножа, и всё тело одобрительно отозвалось вспышкой гнева. Вопросов больше не осталось.

Спустя полчаса Надин вошла во двор, в котором провела детство и юность. Она не была в нём последние десять лет, и перемены сразу бросились ей в глаза. Парковка, на которой вечно не хватало мест, была полупустой. Детская площадка, где в тёплые месяцы шумела детвора, и вовсе пустовала. Смердящие мусорные контейнеры скрывались под завалами настолько, что их едва можно было разглядеть. Трава и сорняки заполнили собой каждый клочок земли, включая сетку трещин на асфальте. Смотря на всё это, Надин не ощутила ничего. Даже самые приятные детские воспоминания, связанные с этим местом, вдруг выцвели до белизны, словно пережавшие на солнце фотографии. Они потеряли любое значение, лишились всякого смысла, просто затерялись на фоне высшей цели, что привела её сюда. Глубоко вдохнув, Надин уверенно пошла к родительскому дому.

Подъезд её встретил знакомым запахом сырости, табака и мочи. Надписи и рисунки на стенах, как и прежде, описывали и личную жизнь обитателей дома, и половые органы, не без участия которых эта жизнь создавалась. Поднимаясь по лестнице, можно было заметить парутройку угрожающих сообщений, напоминающих людям об их долгах. Оказавшись у заветной двери, Надин приложила к ней ухо. Страх и подъём вверх с тяжёлым чемоданом заставили сердце биться сильнее, и понадобилось некоторое время, чтобы его успокоить. Когда стук в ушах ослаб, Надин вслушалась. Тишина. Затем она нажала на звонок и съёжилась в тревожном

ожидании. За приглушённым мелодичным перезвоном ничего не последовало. Дома не было никого.

План Надин строился исключительно на старых привычках матери. Та каждое субботнее утро начинала генеральную уборку и стирку, затем тащила всю семью на рынок, чтобы закупить продуктов на неделю вперёд, поторговаться и, если будет настроение, с кем-нибудь поругаться. Обычно это продолжалось до раннего вечера, пока продавцы не начинали закрывать свои лавки, и находиться там уже не было смысла. Ключи от квартиры у Надин сохранились со времён отъезда в общежитие. Менять замки в мощной металлической двери было дорого и проблематично, и её мать, не любившая тратиться попусту, вряд ли могла этим озаботиться.

Взяв ключ, Надин вставила его в замочную скважину и, мысленно молясь, чтобы он подошёл, повернула против часовой стрелки. Механизм податливо щёлкнул, отпирая замок. Сдержанно улыбнувшись, она вставила второй ключ в верхний замок, и он так же легко открылся. Неожиданно раздавшийся за спиной скрип заставил Надин вздрогнуть. Из-за соседской двери показалась старушка с девочкой лет пяти.

– Надя? Я думала, ты уехала из города. Как давно я тебя не видела. Неужели помирились? – с теплотой в голосе спросила соседка.

– Нет. Просто пришла вернуть кое-какие вещи, – сказала Надин, стараясь не выдать охвативший её ужас.

– Может, помиритесь ещё. Ну ладно, я пойду. С внучкой погулять надо. А ну-ка, поздоровайся с тётей.

– Здравсьте, – явно смущаясь, девочка опустила глазки.

Надин хотелось заплакать, и казалось, она не сможет сказать ни слова. Глаза стали влажные, былой самоконтроль таял. Держась из последних сил, она открыла дверь и сказала:

– Здравствуй, солнышко. Погуляйте сегодня подольше. На улице отличная погода.

Девочка кивнула, взяла бабушку за руку и они вместе пошли вниз по лестнице. Оставшись наедине, Надин затащила в квартиру чемодан, захлопнула дверь и закрыла лицо руками. Тёплые ручейки медленно потекли из глаз. В ту секунду ей не хотелось мстить. Она лишь желала вернуть всё на сорок три года назад и родиться в другой семье. В семье, где отец не будет напиваться до самой смерти, а мать не будет ломать жизнь дочери, словно деревце, едва успевшее прорасти. Но вернуть назад ничего нельзя. Можно лишь воздать по заслугам.

Вытерев слёзы, Надин раскрыла чемодан, достала канистру с бензином и осмотрелась. На первый взгляд квартира не сильно изменилась. Тёмно-зелёные обои в коридоре сменились бордово-чёрными, и казалось, в нём стало ещё теснее, чем раньше. У входной двери всё так же висело овальное зеркало в винтажной раме, от которого всегда веяло безвкусицей и запахом нафталина. Под ним стояла другая, но столь же громоздкая тумбочка из тёмного дерева, тяжёлая и фундаментальная, как каменные глыбы Стоунхенджа. Полы, уложенные паркетной доской, были натёрты до блеска, как и всё, за что цеплялся взгляд. Надин вздрогнула, вспомнив, сколько времени в детстве у неё отнимала уборка. Вечернюю прогулку во дворе нужно было заслужить, а мать имела крайне высокие представления о чистоте. По-настоящему встав на ноги, Надин пообещала себе, что больше никогда не возьмёт в руки тряпку, и в годы процветания хорошо платила домработнице. После, оказавшись на дне, она не нарушила своего обещания.

Войдя в комнату матери, Надин не смогла сдержать нервного смеха. Казалось, интерьер вобрал в себя элементы всех стилей разом. Деревянная мебель с позолотой, нарочито подделанная под старину, невозмутимо соседствовала с современным телевизором, занимающим половину стены. Люстра и бра холодно поблёскивали сталью и стеклом на фоне однотонных бархатных обоев цвета пыльной розы. Под полкой со старинными иконами висела картина с невнятной, но дорого выглядящей абстрактной живописью.

«Мама, мама. Могла ли ты потратить мои деньги ещё более бездарно...», – промелькнула в голове мысль.

Насмешливая ухмылка не сходила с лица Надин до тех пор, пока её взгляд не упал на прикроватную тумбочку, где стояли рамки с семейными фотографиями. Их было пять, и ни на одной из них она себя не увидела. Обида, неожиданно её охватившая, показалась странной ей самой, ведь у неё не было причин ожидать чего-то другого. Все поступки матери говорили о том, что она вычеркнула старшую дочь из своей жизни, но почему-то именно эти фотографии стёрли последние сомнения в том, что это действительно так. Непрошенные слёзы вновь зацепили глаза, и Надин разозлилась на свою мягкотелость.

«Ты пришла сюда сопли распускать или мстить? Возьми себя в руки и сделай то, зачем пришла», – услышала она лязгнувший сталью собственный голос.

Схватив первую попавшуюся рамку, Надин швырнула её в экран телевизора, и по его чёрному полотну разбежалась паутина замысловатых трещин. Это зрелище вновь вызвало на её лице улыбку, весёлую и безумную. Следующая рамка полетела в книжный шкаф, и он отозвался задорным звоном бьющегося стекла. Оставшиеся Надин побросала, не прицеливаясь, затем открыла крышку канистры и начала жадно поливать бензином всё вокруг. Содержимое шкафов нещадно выбрасывалось на ковёр, пропитавшийся бензином, и им же поливалось сверху. Топливо попадало ей на одежду, затекало в туфли, но это не имело никакого значения.

Первая канистра опустела разочаровывающе быстро. Отбросив её, Надин взяла из чемодана следующую и принялась за кухню. Та была сравнительно небольшой, потому на неё хватило и половины. Остатки Надин расплескала в комнате матери, стараясь уделить внимание всему, что осталось сухим. Взяв третью канистру, она пошла в последнюю комнату, которую когда-то делила с сестрой. Та, судя по фотографии на стене, теперь жила здесь с мужем. Со снимка смотрели довольные лица на фоне алого морского заката. Надин поставила канистру, взяла рамку с фотографией и со злостью швырнула её на пол.

– Ты этого не заслужила, сука! Я это заслужила! Я пахала как проклятая! – закричала она в истерике.

Рамка беспомощно хрустнула, перекадилась и упала плашмя фотографией вверх. Надин начала яростно втаптывать в пол осколки вместе с улыбающимися лицами. Ей казалось, что они смеются над ней, но с каждым ударом лица теряли очертания, и вскоре их стало невозможно различить. Покончив с этим, она снова схватила канистру. Топливо расплещивалось в воздухе, быстро опадая, впитываясь и источая приятный запах свершившейся мести. Надин сдавленно стонала от восторга, предвкушая, как всё это будет гореть, как мать, обрѣкшая её на нищенское существование, примерит её шкуру. Цена, которую придётся за это заплатить, была ей совершенно не важна. Она ловила удовольствие от каждой секунды, не осознавая, что бушующая в ней ненависть, смешиваясь с парами бензина, ослепляют её разум.

В один момент канистра опустела, но Надин этого словно не замечала. Она впустую трясла ею, не в силах поверить, что мгновение триумфа оказалось таким коротким. Ей хотелось больше разрушений, хотелось увидеть их своими глазами, а не смотреть со стороны. В конце концов, Надин смирилась, решив, что огонь справится с задачей лучше неё. Он всё уничтожит, не оставив улик, а ей самой пора было заканчивать и уходить. Домочадцы могли вернуться раньше обычного, а её крики наверняка слышали соседи. Не успела Надин об этом подумать, как раздался звук открывающейся двери и за ним тот самый крик, который всю жизнь заставлял её каменеть.

– Что это за... Нет, нет, нет! – оглушительно завопила мать.

– Чем это пахнет? – услышала Надин голос сестры.

– Бензин, наверное, – сказал её муж растерянным голосом.

– Чего стоишь, идиот? Быстро звони в полицию, – задыхаясь от злости, крикнула Оксана Владимировна.

Смуглый мужчина лет сорока резко вошёл в комнату, где была Надин, на ходу набирая что-то в телефоне. Оторвавшись на полсекунды, чтобы оценить масштаб погрома, он увидел женщину в чёрном деловом костюме и застыл на месте.

– Ты кто такая? – испуганно спросил мужчина, спустя долгую паузу.

– Надя? – сестра, вошедшая следом за мужем, буквально не верила своим глазам.

Бежать было некуда, и Надин поняла, что она пропала. Устроить поджог и убежать у неё не получилось, а просто так её теперь никто не отпустит. На этот раз мать точно её ударит, если вообще не изобьёт до полусмерти. Потом будет полиция, суд и, скорее всего, тюрьма. Внезапно Надин охватило отстранённое спокойствие, словно всё это происходит не с ней. Она вновь почувствовала решимость. Гулять так гулять. Умирать, так с музыкой. Рука потянулась в карман.

– Привет, сестрёнка, – губы Надин скривились в саркастической усмешке. – Не узнала? Видимо, я выгляжу не так хорошо, как ты. Знаешь ли, финансовые трудности испытываю. А ты, смотри, цветёшь и пахнешь.

– Боже, что ты наделала. Она же тебя... – не успела сестра договорить, как в комнату вошла их мать.

Слово «ярость» не могло бы описать и десятой доли того, что отражало лицо этой женщины. Пальцы на её трясущихся руках сжались в кулаки.

– Ах ты тварь. Да я тебя сейчас своими же руками задушу! – выкрикнула Оксана, но, не успев сделать и двух шагов, остановилась, увидев зажжённое пламя.

– Давай, иди ко мне, мамуль. Убей меня так же, как ты убила моего малыша.

– Ты сама потеряла своего ребёнка, дура. И хорошо, что так случилось. На что бы ты растила его, если ты всё потеряла.

– Заткнись! Ты знала, что моих денег хватило бы на годы! Вам же хватило? – крикнула Надин, обводя свободной рукой комнату. – Вместо того чтобы каждый день орать на меня, могла бы проявить хоть капельку материнской заботы. Я бы вырастила его сама и заработала бы денег. Мне нужна была лишь поддержка. Это разве так много?

– Поддерживать тебя в чём? Стать матерью-одиночкой? Не смогла даже собственного ребёнка выносить, не ищи крайних.

Надин начала истерически смеяться, сначала тихо, затем громче и громче. Её поразили не цинизм, с которым родная мать говорит о её не рождённом ребёнке, а самоуверенность и наглость, не дающая той понять, что в руках дочери находятся их жизни. Надин даже не чувствовала, как нагретый металл зажигалки обжигает пальцы. Она молча встала на колени и сказала:

– Ах, это я непутёвая? Ну, прости меня, мамочка. Я виновата. Виновата в том, что родилась в этом доме. Горите вы все в аду.

Пламя зажигалки коснулось растёкшегося по паркету бензина. Едкие пары в мгновение воспламенились, огонь побежал по полу и стенам, заполняя собой всё пространство. Неестественно быстро схватилась одежда. Резкий запах палёных волос ударил в нос, испуганный крик разнёсся по квартире. Надин с холодным любопытством смотрела, как её родные судорожно пытались сбить пламя. Она буквально кожей чувствовала их страдания, вопли ласкали слух. Чувство свершившегося отмщения пробиравало до мурашек. Горящие люди металась в поисках выхода, но огонь уже полыхал с такой силой, что было ничего не разобрать. Надин оторвала от них взгляд, лишь когда вспыхнули её волосы. Из груди вырвался сдавленный крик. Боль в мгновение отрезвила её. Она стала судорожно бить руками по горящим волосам, но от этого лишь загорелись пропитавшиеся бензином рукава. Отчаянный нечеловеческий вопль резанул её слух, заставив содрогнуться. Как молния, пришло понимание того, что всё это происходит на самом деле, что всё это не закончится подобно её фантазиям, что горящие люди реальны и испытывают настоящие мучения, как и она сама. Но самое главное – она поняла, что среди

объятых пламенем фигур есть её мать. Та, что дала ей жизнь. Та, что учила её ходить и говорить. Та, что кормила её с ложечки, качала на руках бессонными ночами.

– Нет, нет, нет! Мама! – Надин закричала навзрыд. Она пыталась найти мать взглядом, но языки пламени и пелена нахлынувших слёз смешали всё воедино.

Дым заполнил собой комнату, дышать стало невозможно. Под горящей тканью шипела кожа. В бессилии и отчаянии Надин рванула вперёд, как ей казалось, к матери, но жар заставил её остановиться. Она закрыла глаза. Ресницы и брови сгорели, лицо нестерпимо жгло. Издавая тонкий скулящий звук, Надин ожидала болезненного конца, который всё никак не наступал. В этот момент какая-то внутренняя сила, неистово желающая жить, начала двигать её в сторону от медленной мучительной смерти. На четвереньках она подползла к двери на балкон, и, нащупав ручку, открыла её. От притока свежего воздуха пламя разгорелось ещё сильнее, и огонь перекинулся ей на спину. Надин ввалилась на балкон, ухватившись за висевшую на верёвке простынь. Она потеряла сознание за мгновение до того, как раздался взрыв, выбивший стекла в квартире. Наступила тишина. Всё её существо поглотила вязкая бесконечная тьма.

Глава третья. Нестраховой случай

Понедельник, 28 августа 2028 г.

1

Утро понедельника в семье Громовых было наполнено десятками звуков. Звонко бил по жестяному подоконнику по-осеннему холодный затяжной дождь. Свистел чайник, размеренно бормотал телевизор. Дверь холодильника со скрипом открывалась и с басовитым хлопком закрывалась. Деловито постукивали о стол расставляемые кружки. А самым приятным звуком среди всех был залиvistый детский смех.

Источником его являлась круглолицая голубоглазая девочка в возрасте семи лет. Слегка вьющиеся русые волосы едва доходили ей до плеч. От улыбки на щеках появлялись очаровательные ямочки. Смешил её брат, сидящий рядом за обеденным столом. Ему недавно исполнилось двадцать лет. На его лице, покрытом по-юношески неуверенной щетиной, виделось напряжение. Он старался не рассмеяться, но, не сумев сдержаться, захохотал сестре в унисон. Напротив, словно не замечая их, отец с матерью торопливо уплетали завтрак, изредка посматривая в телевизор. Когда смех затих, на передний план вышел голос диктора:

– А сейчас наш корреспондент расскажет подробности взрыва на юго-востоке области. Пожалуйста, Дмитрий.

– Да, Сергей. Напомню, что в субботу, двадцать шестого августа, в одной из квартир девятиэтажного дома произошёл взрыв, – на экране появился покрытый копотью участок стены с пустыми глазницами выбитых окон, затем камера вновь вернулась к корреспонденту. – Как сообщает источник в правоохранительных органах, погибло три человека, один находится в реанимации. По предварительной версии, взрыв произошёл из-за ненадлежащего хранения газовых баллонов, которыми жильцы пользовались из-за частых перерывов в подаче газа. После взрыва начался пожар, и...

Девочка, которую звали Алиса, старалась не смотреть в экран телевизора, когда шли новости. После них ей нередко снились кошмары, от которых она начинала кричать, ворочаться и, в конечном счёте, просыпалась в слезах. Об этом знал только её брат, с которым они делили одну комнату. Он словно чувствовал её беспокойство и, просыпаясь среди ночи, садился к ней на кровать, гладил по волосам, приговаривал что-то успокаивающее, пока она вновь не засыпала. Между ними вообще была крепкая эмоциональная связь, что так редко встречается между братьями и сестрами с такой большой разницей в возрасте. Причин тому было множество.

Тимур, брат Алисы, рос в остром дефиците родительского внимания. Его отец, Виктор Сергеевич Громов, был человеком молчаливым и замкнутым. Когда на втором году брака молодая жена объявила, что беременна, он не знал, как на это реагировать. Его диплом ещё пах свежими чернилами, стабильной работы в городе не было, да и особой любви к детям Виктор не питал. Однако жену он любил и, не желая её расстраивать, держал свои страхи при себе, делая вид, что даже рад этому событию. Рождение Тимура пришлось на не самое благоприятное время: ещё не выплаченная ипотека, экономический кризис, да и чем закончится военный конфликт с Грузией, никто не знал. Виктор понимал, что с появлением ребёнка на многих планах придётся поставить крест. Чтобы обеспечить семью, ему приходилось много работать, и вечерами сил не оставалось ни на что, кроме как упасть на диван перед телевизором с банкой пива. К сыну Виктор относился холодно и с раздражением, подсознательно воспринимая его как источник свалившихся на него трудностей. Маленький Тимур не понимал причину такого отношения. Не найдя любви со стороны отца, он переключил всё внимание на мать и

стал ходить за ней хвостом. Наталья Громова – стройная хрупкая женщина, и без того погружённая с головой в домашние хлопоты, пыталась объяснить сыну, что мальчику обязательно нужно общаться и с папой, чтобы вырасти настоящим мужчиной. Она надеялась, что они найдут общий язык, но вместо этого ребёнок замкнулся в себе, а когда научился читать, и вовсе погрузился в напечатанные на бумаге миры.

Рождение Алисы стало для семьи Громовых глотком свежего воздуха. Наталья, за долгие годы уставшая от общества двух молчаливых хмурых мужчин, едва ли не в ультимативном порядке заявила, что хочет дочь. Это заявление заставило Громова старшего в кои-то веки оторваться от телевизора. Громов младший, услышав разговоры о будущей сестре, отложил книгу. Не желая ничего слышать о сложных временах (а когда они вообще бывали простыми), Наталья настояла на своём, и Виктору ничего не оставалось, как сдаться. Беременность наступила на удивление быстро. На выписку из роддома отец с сыном ехали другими людьми. С их уст не сходила улыбка. Напряжение не висело между ними густым облаком. В тот день они впервые поговорили по душам, и Виктор с удивлением обнаружил, что сын без всякого его участия вырос очень похожим на него. Тимур слушал ту же музыку, что и он в его возрасте, читал те же книги. Виктор даже пообещал, что найдёт для него свои старые диски с любимыми группами. Наталья, и без того счастливая рождением дочери, не могла налюбоваться на своих мужчин. Она не могла поверить, что маленькое существо в атласном конверте настолько могло их изменить.

Но, как известно, рутина со временем делает блёклыми даже самые яркие краски, и Виктор, окунувшись в привычный круговорот «дом-работа-дом», всё чаще выглядел хмурым. Незамеченным для домочадцев это не осталось, но и сильных неудобств не доставляло. Наталья всё время проводила с долгожданной дочкой, да и Тимур, приходя из школы, первым делом бежал к сестре. Когда Алисе исполнилось два года, Наталье пришлось выходить на работу – вынудила нехватка денег. Тимур понимал, что ему во многом придётся заменить вечно занятых родителей, и принял свалившуюся на него ответственность спокойно. Тому способствовала и первая безответная любовь, отбившая у юноши последнее желание выходить из дома. Со временем Тимур сделал вывод, что никому на свете не нужен, кроме сестры, потому улыбку на его лице можно было увидеть лишь в её присутствии.

Алиса, проведя рядом с братом большую часть жизни, воспринимала их близость как должное, понимая, что родители много работают, чтобы обеспечить их всем необходимым. Отец трудился дальнобойщиком в расположенном неподалёку распределительном центре, через который осуществлялись поставки продуктов, в том числе и в столицу. Работы было много, она хорошо оплачивалась, потому он за неё держался, собирая все сверхурочные. У матери, помимо работы в ателье, на плечах лежали обязанности по дому, и ей тяжело давалось частое отсутствие мужа. Всё это приводило к напряжению в семье, которое словно висело в воздухе, выливаясь в мелкие ссоры.

– Надо же, хоть чем-то наша дыра отличилась, – сказал Тимур с притворным восхищением. – Пап, может, переключишь? Каждый день одно и то же, не надоело?

Виктор вспомнил, как его отец говорил похожие слова, стоило кому-то включить новости. Они вообще во многом походили друг на друга. Дед настаивал, чтобы внука назвали Тимуром, по имени его любимого персонажа из советской повести. Так как у отца голова была забита другими проблемами, а молодая мама не возражала, так его и назвали.

– Тим, не начинай, – строго сказал отец. – Мы должны быть в курсе событий. Если произойдёт что-то действительно плохое, мы...

– Да каждый день происходит что-то плохое. Зачем людям это показывать? Только настроение портят, – буркнул Тимур.

– Не хочешь – не смотри, – сухо сказал отец, затем, подумав, взял пульт и прибавил громкость.

Зелёный столбец на экране вырос не больше чем на деление. Разницы никто не почувствовал. Наталья искоса посмотрела на мужа, но решила промолчать. Тимур с Алисой, уткнувшись в тарелки, поспешили доесть завтрак и вскоре ушли собираться.

Спустя пятнадцать минут копошения и требований поторопиться брат с сестрой уже обувались в коридоре. Тимур поправил Алисе капюшон на лёгкой курточке, взял её портфель, затем дверь за ними захлопнулась. Оставшись наедине, родители принялись обсуждать, как дальше сводить концы с концами. В пятницу Алиса оканчивала школьную подготовительную группу и должна была зачисляться в школу. К этому дню им требовалось, кровь из носу, купить все учебники и недостающие принадлежности. Осенняя одежда Тимура оставляла желать лучшего, но при таких высоких ценах покупка новой сильно была по семейному бюджету. Не прошло и пары минут с начала разговора, как раздался звонок в дверь.

– Тима опять что-то забыл, подожди, – сказала Наталья и побежала открывать дверь.

Однако на пороге стоял совершенно незнакомый человек. Он кротко улыбался. Взгляд его был светлым, обволакивающим и таким узнаваемо родным, что усталое лицо женщины вдруг обрело блаженное выражение. Тонкие линии зарождающихся морщин исчезли, в глазах появился блеск, словно она ждала этой встречи долгие годы.

– Доброе утро. Я ваш друг, – доброжелательно сказал *незнакомец*. – Нам нужно немного поговорить. Я могу войти?

– Да, конечно, – Наталья, как замороженная, сделала шаг назад.

Мужчина вошёл в прихожую, медленно прикрыв за собой дверь. Из кухни появился хмурый Виктор, и вошедший дёрнулся от неожиданности.

За те несколько дней, что друг следил за этой семьёй, он не видел никого, кроме матери и её детей, и был уверен, что она воспитывает их одна. Будучи неготовым к контролю двоих человек одновременно, он решил поскорее избавиться от лишнего. Отпустив взгляд женщины, друг впился в глаза мужчины так сильно, что у самого зазвенело в ушах. Виктор резко остановился, покачнувшись, и замер, словно солдат, ожидающий приказа.

– Здравствуйте. Я старый друг вашей жены. Мы хотели бы пообщаться, если вы не против. Кстати, вы опаздываете на работу, – с трудом скрывая нервозность, проговорил *незнакомец*.

Он понимал, что, разойдись *его* слова с реальностью, быстро отделаться от этого человека не получится. Что, если эта женщина ему не жена, а сестра? Что, если он вообще не работает, а дома отсутствовал по какой-то другой причине? Из этой ситуации было два выхода. Первый – спешно уходить, на скорую руку стерев из памяти обоих следы об этой встрече. Второй – брать над мужчиной полноценный контроль, рискуя оказаться с очнувшейся женщиной за спиной. *Другу* пришлось полагаться на свою интуицию, которая *его* редко подводила. Не подвела и сейчас.

Виктор задумался, затем кивнул и медленно перевёл взгляд на часы, висевшие в прихожей. Вернув взгляд на *собеседника*, сказал:

– Опаздываю... Да... Кажется, опаздываю... Пора идти...

Он схватил дорожный рюкзак, бросил на плечо куртку и вышел из дома, как ни в чем не бывало.

Когда захлопнулась дверь, блаженный туман в голове Натальи начал рассеиваться. *Друг* на секунду подумал, что лучше всё-таки стереть из памяти женщины все следы и удалиться, – он не любил, когда что-то шло не по плану; но, сделав несколько глубоких вдохов, он всё же переборол порыв слабости. Вновь поймав её взгляд, *друг* вернул над ней контроль и начал непринужденную беседу.

Больше получаса кропотливой работы не дали *ему* никакого результата. *Он* вытащил из её подсознания всю ненависть, что смог найти, но она оказалась ничтожно мала и рассеяна. Попытка собрать её воедино выглядела бы жалкой и бессмысленной. Эту женщину мучило то,

что ей не хватает времени на собственных детей. Она скучала по молодости, по тем временам, когда только познакомилась с мужем. Тогда они были студентами, беззаботными и жизнерадостными. Самым большим страхом была сессия. Самой большой проблемой – найти денег на концерт любимой группы или смартфон новой модели. Она уже и забыла, что когда-то могла покрасить волосы в неестественно яркий цвет, а её молчаливый муж мог болтать без умолку часами напролёт. Воспоминания о прошлом вызывали печаль, от настоящего хотелось плакать, но *друг* не смог найти в ней ни единой мысли, в которой она желала бы причинить вред себе или кому-то ещё. А самое главное, *он* нашёл в ней любовь. Ту самоотверженную материнскую любовь, которой *он* никогда в жизни не видел и не ощущал.

Задолго до образования Восточного Союза отец *друга*, главный технолог крупного металлургического предприятия, приехал из Китая в Россию для обмена опытом. Солидный и интеллигентный, он почти без акцента говорил по-русски, был доброжелателен и вежлив, чем и привлек внимание молодой миловидной секретарши. Та мечтала выйти замуж за богатого и успешного бизнесмена, но за неимением такового согласилась немного понизить планку – всё же по улыбочивому иностранцу было видно, что он весьма неплохо зарабатывает. Тот, в свою очередь, не имел ничего против маленького, ни к чему не обязывающего романа, и до конца командировки его постель не пустовала.

Когда пришло время, он уехал, не оставив ни адреса, ни номера телефона. Мать *друга* предполагала, что такое может произойти – успешный иностранец не клялся ей в вечной любви, и забрать с собой не обещал. К его молчаливому отъезду она отнеслась спокойно, пока не узнала, что беременна. Сообщать об этом было некому – мать с отцом давно умерли, ни о каких других родственниках она ничего не знала. На безуспешные поиски неумелого любовника ушло слишком много времени, и делать аборт стало поздно. Ребёнок, которого она не хотела, рос сам по себе, а когда между дружившими столько лет странами началась вражда, его жизнь и вовсе превратилась в ад.

Восточный генотип в нем проявился лишь более узким, чем у других детей, разрезом глаз, но этого оказалось достаточно, чтобы стать изгоем среди сверстников. У его матери дела тоже не клеились – предприятие, где она работала, было на грани банкротства, зарплату подолгу задерживали, о личной жизни не было и речи. В конце концов, она начала пить. Маленькому мальчику не к кому было прийти за советом и утешением и, достигнув совершеннолетнего возраста, он уехал искать отца в Китай, ставший тогда частью Восточного Союза. Успеха юноша не добился, но нашлись люди, которые смогли его таланты и ненависть к родной стране направить в нужное русло. Так *он* и стал оружием перенаселенного Восточного Союза в борьбе за новую территорию.

Друг отбросил не вовремя нахлынувшие воспоминания и посмотрел на женщину. *Ему* казалось, что она смотрит на него с жалостью и сочувствием, словно *его* воспоминания каким-то образом смогли ей передаться.

Понимая, что больше ничего не добьется, *он* сказал:

– Ладно. Дай мне салфетку. Хоть этого я могу от тебя добиться?

Женщина не двигалась до тех пор, пока друг не ослабил над ней контроль, и лишь после этого она встала и принесла ему салфетку их кухонного шкафчика. Её движения были плавными и чёткими, словно в хорошо отрепетированном танце. Гость неторопливо вытер каплю крови, тёршую из носа, чувствуя горечь своего провала. Конечно, он мог заставить её сделать всё, что угодно, записав в её разум команды, как программу в компьютер, но это было бы неправильно, против принципов. Переведя дыхание, друг посмотрел на часы. Он ещё успевал на подготовленное за день до этого представление и, не забыв стереть из памяти женщины их встречу, удалился.

Опоздав на работу на целый час, Наталья так и не вспомнила, что же её так задержало. После обеда ей позвонил Виктор. Его интересовал только один вопрос: как он умудрился не заметить, что ушёл на работу в домашних тапочках.

2

В то время как родители встречали дома *непрошеного гостя*, Тимур вёз сестру в школу – одну из немногих в городе, что ещё не закрыли. Мелкий дождь беззвучно ложился на лобовое стекло, размеренно скрипели дворники. Дорожные ямы за ночь наполнились мутной водой, и приходилось тревожно вглядываться в блестящую гладь асфальта. Игравший в магнитоле готический рок вторил мрачной погоде, и Тимур медленно стучал пальцами по рулю в такт музыке.

Алиса молча смотрела в окно, и чем ближе становилась школа, тем больше нарастала её тревога. Занятия в подготовительной группе давались ей нелегко. Сидеть подолгу на одном месте было непривычно. Учительница вечно тараторила, словно куда-то опаздывала, и понять что-либо не получалось. Перемены её и вовсе пугали. Алиса не привыкла видеть вокруг себя много детей, и то, сколько шума они могут издавать, стало для неё открытием. Детский сад, должный подготовить её к этому, был родителям не по карману, во дворе, где она росла, сверстников не было, и заводить дружбу только предстояло научиться.

– Тима, а зачем нужно ходить в школу? – спросила Алиса у брата.

– Как это зачем? В школе дают знания. Ты же не хочешь, чтобы все называли тебя дурочкой, – ответил с улыбкой Тимур, не отрывая взгляд от дороги.

– Но ведь учёба начинается в сентябре, а сейчас август. Почему я должна ходить туда сейчас? – закапризничала Алиса.

– Понимаешь, мама с папой заплатили немало денег за подготовительную группу. Это значит, что тебя в школу точно возьмут.

– А что будет с теми, кого не возьмут? – спустя долгую паузу поинтересовалась Алиса.

– Не знаю, солнышко...

Тимур вздохнул. Ему было неприятно врать сестре, но правда бы её только расстроила. Он прекрасно знал, какая незавидная участь ждала всех, кто не попадёт в школу. После реформы образования 2023 года все дети были обязаны пройти экзамен для поступления. Конкурс доходил до пяти человек на место, и те, кто не набирал достаточно высокий балл, попадали в так называемую «Школу обучения рабочим специальностям». Предполагалось, что там за три года ребёнок должен научиться читать и писать, одновременно осваивая базовые знания по востребованным рабочим профессиям, после чего система образования считала свою обязанность выполненной. Выпускники получали свои дипломы «об элементарном специальном образовании» и были вольны делать, что им заблагорассудится. Предоставленные сами себе, дети быстро находили проблемы на свои, а следом и родительские головы, чем государство умело воспользовалось, законодательно снизив минимальный возраст приёма на работу до десяти лет. К 2027 году редкая семья не нуждалась в деньгах, и многие родители отдавали своих детей на тяжёлую и малооплачиваемую работу. Те, кто не желал подобной участи своим детям, платили большие деньги за подготовительную группу, негласно считавшуюся гарантом зачисления в школу.

Передав сестру учителям, Тимур поехал на завод, работа на котором не была пределом его мечтаний. С детства он хотел стать журналистом. В начальных классах ему нравилось клеивать в тетрадь вырезки из любимых журналов, в старших Тимур отвечал за стенгазету, которую, за крайней скудностью событий школьной жизни, заполнял в основном интересными фактами и цитатами из книг. Празднуя выпускной, он понимал, что продолжать учиться ему негде.

Оба городских института закрыли через год после реформы, техникум ещё годом позже. Об учёбе в другом городе он и не думал, поэтому сразу пошёл работать.

Так как завод был одним из немногих мест, где платили неплохо и практически без задержек, устроиться туда без связей было невозможно. На счастье, сидевший в кресле директора человек был в долгу у Виктора – тот привёз ему из Москвы какие-то чрезвычайно редкие лекарства для его больной матери. Как ни была далека карьера журналиста от должности токаря, Тимур понимал, как ему повезло, потому смирился. Ко всему прочему, завод обеспечивал хоть и безвкусным, но горячим обедом, а главное, там был единственный друг Пашка, которым он дорожил.

Парковка, располагавшаяся напротив входа в здание завода, наполовину пустовала. Сам завод впечатлял габаритами: высотой с пятиэтажный дом, площадью едва не больше футбольного поля. Перед входом неизменно стояла машина директора, сменявшая одна другую не реже, чем раз в полтора года. В это утро там сверкал своими отполированными боками огромный внедорожник «Мерседес», из тех, что нелегально ввозили из Западной Конфедерации для людей, у которых достаток позволял такую машину приобрести.

День шёл своим чередом: станки шумели, технологи в серых халатах о чем-то спорили над чертежами. Пахло жжёной стружкой и машинным маслом. Пыль, медленно и блаженно летавшая под потолком, словно планктон в просторах океана, подсвечивалась тусклым светом из окон. Внезапно по заводу разнесся странный шум. Такой шум обычно сопровождал день выдачи зарплатных квитков, когда мужчины разбивались на небольшие компании, жалуясь друг другу на неценность своего труда. Однако в этот день ничего подобного не ожидалось. Внезапно люди начали выбегать на улицу, сначала по одному, затем по несколько человек. Тимур решил, что начался пожар, и эта мысль ужаснула его – бороться с огнём было нечем. Датчики дыма в цеху отсутствовали, огнетушители не первый год просрочены, а городские пожарные едва смогли бы потушить горящую квартиру, что говорить о целом цехе. За себя Тимур переживал в последнюю очередь – сгореть в огне для многих рабочих было не так страшно, как остаться без работы. Выйдя в проход, он осмотрелся, но ни огня, ни дыма не увидел. Рабочие, пробежавшие мимо, не казались напуганными, скорее заинтригованными. Поглощённый происходящим, Тимур вздрогнул, ощутив короткий тычок в бок. Он не заметил, как к нему сзади подошёл Пашка, высокий рыжеволосый юноша пронырливого вида с вечно довольным выражением лица.

– Тим, хрен ли встал, – возбуждённо просипел тот. – Там Семёныч с крыши прыгать собрался, всё пропустишь.

– Чего? Куда прыгать? – удивился Тимур.

– Куда, куда? Вниз, наверное. Да пойдём же, – Пашка схватил друга за рукав и они вместе побежали к выходу.

На улице толпа вобрала в себя не меньше пятидесяти человек, все смотрели вверх, прикрывая ладонями глаза от капель дождя. Сергей Семёнович, рослый широкоплечий мужчина, чей возраст начал подбираться к пятидесяти, действительно стоял на крыше завода.

– Серёга, не дури! Слезай давай! – крикнул кто-то из толпы.

– Я буду говорить только с директором, – послышалось с крыши.

– Он же уволит тебя, идиот, – крикнул в ответ хриплый голос.

Сергей Семёнович сдержал своё слово, проигнорировав и эту, и десяток других, куда более обидных реплик. Когда стало ясно, что вразумить его не выйдет, рабочие стали выбирать, кто пойдёт за директором. Это заняло куда больше времени, чем все уговоры. Роль гонца с плохими новостями примерять на себя не хотел никто. В конце концов за начальником отправили, подкрепив просьбу парой тумачков, самого молодого, коим Тимур, к своему счастью, не оказался.

Все уже успели промокнуть и замёрзнуть, когда перед толпой появилось всё начальство в полном составе. Валерий Михайлович Лосев, директор завода, стоял впереди всех. Небрежно болтающийся пиджак оголял солидного размера живот, золотые кольца на толстых пальцах, казалось, полностью перекрывали кровоток. Задрав седеющую голову вверх, он не нашёл ничего лучше, чем проорать:

– Зарплату не прибавлю! Слезай, а то уволю к чертовой матери!

Последовала долгая пауза и, казалось, Сергей Семёнович не может принять решение. Покачиваясь на лёгком ветру у края крыши, он, наконец, крикнул:

– Не нужны мне ваши деньги паршивые! Я здесь, чтобы сказать то, что о вас думает весь завод. Да что там завод – весь город.

Тимура эти слова несколько озадачили. Сергея Семёновича знали как человека замкнутого и странного. В курилке и столовой он садился отдельно от всех, разговаривал с коллегами только по делу, и в сопереживании к ближнему его заподозрить было трудно.

– Теперь точно уволит, – грустно подметил пожилой рабочий из толпы.

– Сволочь ты, Валерий Михайлович, – нравоучительно продолжил Семёныч явно подготовленную речь. – Мужиков обкрадываешь, чтобы машины себе покупать. А люди голодают в стране. Из-за таких, как...

– Ты уволен, мать твою! Уволен! Ты это понял? – не дав тому договорить, прорычал Лосев.

Его лицо покраснело, вены на шее вздулись. Несколько секунд висела гробовая тишина. Рабочие начали пятиться в сторону проходных. Директора редко видели в такой ярости, и попасть под горячую руку никому не хотелось.

– Нет, Валерий Михайлович. Я сам увольняюсь, – крикнул мужчина с крыши и прыгнул вниз.

Рабочие, до последнего воспринимавшие происходящее как глупую шутку, раскрыли рты. Падение, длившееся не больше секунды, казалось, растянулось на час. Мгновение – и мощное тело упало всей своей массой на блестящий «Мерседес», промяв его крышу до спинок сидений. Стекла разлетелись в мелкую крошку. Сигнализация оглушительно ревела, но её будто никто не слышал. Голова на неестественно вывернутой шее будто специально была повёрнута к толпе. Из рта стекала струйка крови. Тимур отвернулся, не в силах смотреть на переломанное окровавленное тело человека. Он не мог поверить, что такое в принципе могло произойти. Люди умирали, ему это было известно, но никогда это не происходило на его глазах. Смерть была для него неким фантастическим существом, о котором многие говорят, но никто не видел. И что самое страшное, она никогда не была такой глупой, такой бессмысленной. Тимур смотрел на низкое мрачное небо, на летящих по нему птиц, на серые кирпичики зданий, и вдруг понял, что эта невзрачная панорама кажется ему прекрасной, ведь в ней есть жизнь. Жизнь, которую никто не замечает, не ценит, не бережёт.

Поодаль, у дороги, ведущей к парковке, стоял мужчина в сером рабочем костюме. Он смотрел на труп, окруженный толпой, и улыбался.

Спустя полтора часа консультант страховой компании тщетно пытался объяснить разъярённому мужчине, что падение самоубийцы на крышу его автомобиля не является страховым случаем.

Глава четвертая. Бог видит всё

Вторник, 29 августа 2028 г.

1

В деревянном храме на берегу реки заканчивались приготовления к праздничной службе. Прихожан с каждым годом становилось всё меньше и меньше – даже на Пасху собиралось чуть больше десятка, но священник, которого звали отец Тихон, выполнял все ритуалы, как того требовали каноны. Его не пугало то, что храм придётся закрыть – в отличие от многих, он не зависел от грошовых пожертвований. Основной доход ему приносила лесопилка, построенная им на заднем дворе. Однако то, что ряды верующих редеют, не давало ему покоя. Тихон понимал, что тому есть объективные причины. Патологическая тяга к роскоши высших чинов, сексуальные скандалы и внутренние разногласия подорвали народную веру в непогрешимость церкви. Спрашивая себя, можно ли было это предотвратить, он всё чаще склонялся к тому, что нет. Падение авторитета шло по накопительной, года и десятилетия, и этот процесс ему пришлось наблюдать с детства.

Впервые о греховности духовенства Тихон услышал от набожной бабушки. Она называла местного попа плутом, жаловалась, что он появляется на людях пьяным и вообще превратил храм Божий в магазин.

– Нет в нём веры. Нет, и не было. Слуга антихриста он, – раздражалась каждый раз бабушка, едва заведя того на улице.

Маленький Тихон не понимал, почему ей так не нравится безобидный низкорослый толстячок с бородой, и, будучи весьма любопытным, задавал много вопросов, постепенно узнавая о церкви и вере.

Он рос необычным для маленького села ребёнком. В то время как большинство мальчишек играли с еле живым мячом, Тихоня, как его прозвали сверстники, проводил время наедине с собой. Ему нравилось забираться вглубь лесной опушки, наблюдать за птицами, гулять вдоль извилистой речки. В такие моменты он чувствовал себя причастным к чему-то великому, что невозможно почувствовать, находясь среди людей. Ему казалось, что это «что-то» и есть то, что все называют Богом.

Бабушка всячески поддерживала его стремление познать Бога. Ей нравилось пересказывать ему житие святых и те части Библии, которые казались понятными для его возраста. В один момент Тихон загорелся идеей стать священником. Настоящим, таким, чтобы бабушка им гордилась.

– Ничего плохого в этом не вижу, – сказала мать, услышав об этом.

– Пусть сначала нормальную профессию получит, рабочую, чтоб прокормить себя смог, а там посмотрим, – ворчал его отец, в глубине души надеясь, что сын передумает.

Но Тихон не передумал. Окончив девять классов сельской школы, он отучился на плотника в городском училище, после чего отслужил срочную службу в армии. По возвращении Тихон вновь заговорил о своей мечте, но отец убедил его, что без опыта работы диплом ничего не стоит, и следующие полтора года Тихон отработал на мебельной фабрике. Он понимал, что отец просто тянет время, потому тайком подал документы в духовную семинарию, а после успешно сданных экзаменов уволился с работы. Родные не сильно удивились такому повороту событий. Мать его поддержала, бабушка была просто счастлива, даже отец, бросив сдержанное «решился, так делай», пожелал удачи.

В семинарии Тихону и правда везло. На первом курсе преобладала в основном учёба, на втором и третьем приходилось много работать, но не было ничего непосильного. Курс

был дружный, отчего труд давался легче, да и в свободное время было с кем поговорить. На последних курсах некоторым милостивым семинаристам начали уделять «особое» внимание, но Тихона эта негласная сторона церковной жизни обошла стороной, хотя вначале факт её существования всерьёз пошатнул веру.

– Да, не все здесь живут по Божьим законам, – сказал как-то Тихону учитель пения. – Но это не должно отвернуть тебя от Господа нашего. Наоборот. Женись, прими сан и неси веру людям.

Так Тихон и поступил. Ему помогли найти стройную молчаливую невесту из верующей семьи, и незадолго до таинства рукоположения они поженились и обвенчались. Всё шло хорошо, пока молодой священник не увидел храм, в котором ему предстояло служить. Полуразрушенное деревянное здание с выбитыми окнами и прогнившими полами, расположенное в маленькой подмосковной деревушке, было совсем не то, чего он ожидал. Однако это его не испугало. Полный веры и решимости, Тихон начал собирать деньги на восстановление храма. Это время было самое трудное. Искренне верующие люди, такие же бедные, как и он сам, мало чем могли помочь. Остальные были не против один-два раза в год посетить церковь, но когда разговор заходил о деньгах, они тут же меняли тему. Процесс затягивался, приходилось экономить на всём и жить впроголодь. Жена уговаривала Тихона обратиться с просьбой к епископу, добиться перевода в другой храм, но тот лишь отмахивался.

– Господь наш столько испытаний вынес. Неужели мы с этим не справимся? – говорил он ей с улыбкой.

Молодая матушка соглашалась, терпеливо выжидая. Спустя год, когда деньги на ремонт, наконец, нашлись, Тихон стал пропадать на стройке, буквально ночуя на ней. Он не замечал, что жена всё чаще стала уезжать в гости к маме, а спустя полгода и вовсе объявила о том, что подаёт на развод. Ни протесты её родителей, ни уговоры Тихона не смогли на неё повлиять. Три месяца для примирения, назначенные судом, лишь оттянули неизбежное. Став celibатом поневоле, Тихон впал в отчаяние. Родители умоляли его не постригаться в монахи, чтобы не прерывать род, да и сам он не был готов дать обет безбрачия. Ему всегда хотелось иметь полноценную семью, в какой он рос сам, и детей Тихон любил. Смириться со своей участью помогла лишь вера в Бога и храм, ремонт которого шёл к завершению.

Не имея возможности создать семью, Тихон решил посвятить жизнь помощи своей пастве, притом не только духовной. За два года ему удалось скопить средства на строительство лесопилки, доходами от которой оплачивалась раздача бесплатной еды для малоимущих прихожан. Попутно она давала и рабочие места для двух-трёх мужчин. Доброта и участливость Тихона не остались незамеченными, и к нему в храм стали стекаться прихожане сначала из соседних деревень, а следом и из близлежащего города. Бывали дни, когда храм едва мог вместить в себя всех желающих, что вызывало зависть, а порой и ненависть других священников.

Но те годы остались позади. Теперь в церковь приходило мало людей, лесопилка уже не приносила такого дохода, как прежде, и отец Тихон с трудом мог прокормить себя. Однако он верил в лучшее будущее, потому его дело жило.

После службы отец Тихон поехал в город за продуктами. Он всегда откладывал это до последнего, пока в доме не съедалась последняя крошка. Шумный, грязный, лишённый толики уюта город отнимал у него все силы. Поэтому выбор всегда падал на ближайший, пусть и не самый дешёвый магазин, находящийся в небольшом торговом центре. По правде говоря, это было единственное место, где предприниматели торговали без страха. Множество камер и вооружённая огнестрельным оружием охрана напрочь отбивали желание грабить. Люди часто приходили туда для того, чтобы полюбоваться интерьером, сохранившим роскошь прежних времен. Смотря на блестящий кафель и стеклянные витрины, люди верили, что когда-нибудь жизнь вернётся в прежнее русло, и поход по магазинам вновь станет развлечением.

Подходя к торговому центру, отец Тихон услышал приглушённый хлопок, на который не обратил никакого внимания – среди молодёжи было модно ставить на автомобили глушители, максимально плохо справляющиеся со своей работой. Однако у самого входа стали слышны ещё более странные звуки: хруст бьющегося стекла, падающие стулья, затем женский плач, сопровождаемый чьим-то озлобленным криком. Тихон насторожился. Стараясь ступать как можно тише, он медленно прошёл к центральной площадке и увидел, что люди сидят на полу, некоторые забились под столы у ближайшего кафе. Перед ними на краю фонтана, возвышавшегося в центре зала на полметра от пола, стоял мужчина на вид не старше тридцати в грязных изорванных джинсах и расстегнутой рубашке в клетку. На его худощавом теле виднелось несколько неглубоких порезов, из которых сочилась кровь. Вытянутое лицо с острым подбородком было испещрено ссадинами. Всклопоченные волосы, будто его только что разбудили, полностью закрывали высокий лоб и уши. Оторвав взгляд от этого человека, Тихон заметил в нескольких шагах от него разбитую витрину, у которой, в растекающейся под ним луже крови, лежал мужчина в форме охранника.

– Что-то вы совсем приуныли, ребята, – кричал возбуждённым голосом человек с оружием. – Лотерея только начинается, призов хватит всем. Один победитель у нас уже есть, – он указал пистолетом на мертвого охранника.

Затем мужчина спрыгнул с края фонтана и подошёл к труп. Взяв того за волосы, он приподнял его голову и прокричал в мёртвое лицо:

– Ну как тебе, парень? Ты доволен тем, что стал победителем в моей лотерее? А?

Женщина, съёжившаяся под столиком, сдавленно зарыдала, и убийца с раздражением глянул в её сторону:

– Да брось ты реветь! Я уверен, что ему понравилось, – подбодрил он её. – А может, тебя просто пугает его неопрятный вид?

Он снова уставился в безжизненные глаза, встряхнув окровавленную голову ещё раз:

– Видишь, что ты наделал? Ты её пугаешь. Ты выглядишь отвратительно, – он распрямился и начал бить труп ногами, приговаривая: – Да как ты смеешь пугать девушку? Где твои манеры, сукин ты сын!

От воспитательной работы с мертвецом безумца отвлек второй охранник, прибежавший на крики. Низкого роста, располневший на малоподвижной работе, мужчина застыл в растерянности перед развернувшимся бедствием, пытаясь выдать из себя хоть звук, словно зубную пасту из опустевшего тюбика.

– Стоять! Руки вверх! – выкрикнул, наконец, охранник, дав петуха.

Безумец резко перевёл взгляд на мужчину. Перешагнув через труп, он пошёл навстречу охраннику, который трясся от страха, словно эпилептик в припадке.

– Внимание! У нас появился ещё один участник лотереи! – зазвучал во всеулышание восторженный голос.

Сквозь пот, жгущий глаза, охранник, наконец, заметил, что в руке у кричащего пистолет, и в его голове пронеслась ужасающая мысль, заставившая вырваться из оцепенения.

– Стой! Стрелять буду! – выкрикнул он более убедительно, ещё не успев вытащить пистолет из кобуры.

Безумец увидел запоздалые движения его дрожащих рук. Не сбавляя шага, он вскинул пистолет так, чтобы ствол смотрел прямо в лицо несчастному.

– Давай, кто быстрее! А?! Кто быстрее!

Короткие толстые пальцы судорожно дёрнулись у застёжки кобуры.

– Ты или я?! Ты или я?! Ты или я?!

Палец зацепил застёжку, ладонь нырнула за спасительной рукоятью, вырвала её. Рука охранника быстро пошла вверх. Раздался мощный хлопок.

– Ха! Я быстрее! – закричал безумец, проводив взглядом выбитые из затылка жертвы кроваво-серые брызги. – Кто бы сомневался? Я так хорош!

Девушка, находившаяся ближе всех к выходу, неожиданно вскочила и побежала, но тот, услышав звонкие шелчки каблуков по кафелю, резко повернулся и выстрелил наугад. От испуга девушка оступилась и грузно упала на пол. На её счастье, пуля пролетела значительно выше и угодила в витрину, отозвавшуюся звонким перезвоном осколков.

– Стоять! Я никому не велел расходиться! – свирепо крикнул убийца и, вытащив из ещё тёплой руки охранника второй пистолет, пошёл в сторону бежавшей девушки.

Отец Тихон был в десяти шагах от неё, но стоял на месте, не зная, как ей помочь. Когда на глаза безумца попался священник, он моментально забыл о девушке и замер. Со стороны выглядело так, будто он решал – галлюцинация перед ним или нет. Слегка повернув на бок голову, он стал всматриваться в привлёкшее его внимание бородатое лицо. Воспользовавшись паузой, отец Тихон медленно пошёл тому навстречу и тихо заговорил:

– Положи оружие, брат мой. Одумайся. Ты творишь ужасные вещи. Господь всё видит, понимаешь? Никакое зло не остаётся безнаказанным.

Безумец внимательно слушал. Его взгляд метался то вправо, то себе под ноги, то снова на священника. Руки, державшие оружие, оставались неподвижны.

– Ну, начнём с того, что ты не мой брат. Мой брат сдох в тюрьме два года назад. А вот насчёт твоего воображаемого друга, которого ты называешь «Господом», я бы поспорил. Если Бог смотрит на меня, так пусть накажет прямо сейчас. Эй! – закричал он, спустя короткую паузу. – Товарищ Бог! Не могли бы вы объявиться и наказать меня? Я очень плохо себя вёл.

Просьба осталась безответной. Безумец завертел головой по сторонам и с раздражением завопил:

– Бог, почему ты заставляешь меня ждать? Я, вообще-то, занят! У меня тут лотерея! Давай, смелее, хватит прятаться.

Отец Тихон ждал, когда ему дадут слово, но безумец неожиданно расхохотался и, подняв правую руку вверх, начал стрелять, как ему казалось, в небеса. Оглушительные хлопки, усиленные возвращающимся эхом, смешались с криками заложников. Священник резко присел и завалился на бок, обхватив голову руками. Непрерывно вознося молитвы, он вздрагивал от каждого выстрела в ожидании, что следующей мишенью могут выбрать его. Гильзы падали на кафельную плитку, энергично отскакивая. Стрелок самозабвенно жал на спусковой крючок, не замечая, что пули попадают не в небеса, а в стеклянный купол, украшавший крышу торгового центра. Жаждущего кары осыпало градом мелких осколков, рассёкших его кожу на руках и лице. Он рефлекторно пригнулся, закрыв глаза, и стеклянное крошево осыпало его волосы и плечи. Тихон отполз на пару метров и хотел уже вскочить на ноги, убежать, но до выхода было довольно далеко, и он обернулся. Безумец стоял, мелко сотрясаясь то ли от рыданий, то ли от смеха. По его лбу текла тонкая багровая струйка. Щёки, нос, руки – всё было покрыто черточками неглубоких порезов. Он поднял взгляд на изрешеченную крышу торгового центра, и с его головы посыпались осколки.

– Неплохо, господин Бог. Очень неплохо, – крикнул он, выкинув в сторону пистолет, вставший на затворную задержку, затем, переведя взгляд на священника, сказал: – А твой друг весьма кровожаден.

Тихон часто задышал, жалея, что не воспользовался шансом, не попытался сбежать. Взгляд человека, в руках которого находилась его жизнь, не предвещал ничего хорошего.

– Смотрю, ему нравится наказывать, – захохотал безумец, перехватив второй пистолет. – Интересно, а спасать праведных он тоже любит?

Хрустя стеклом под подошвами, он подошёл к священнику и, схватив того за руку, рывком поднял на ноги. Холодная сталь оружия упёрлась Тихону в висок.

– Ребята, прошу меня извинить, но лотерея на сегодня окончена. Не расстраивайтесь, вам повезёт в следующий раз, – крикнул безумец, обращаясь к заложникам, и резкими толчками повёл священника к выходу из торгового центра.

На улице были слышны звуки приближающейся сирены, и на обагрённом кровью лице отразилось негодование. Веселье грозило закончиться слишком быстро, и вообще всё пошло не по плану. В этой лотерее должно было победить намного больше людей, а финал – эпичную схватку с полицией – хотелось отложить напоследок. Безумец заскрипел зубами от злости, когда в его голове зазвучал голос матери:

– Вечно у тебя всё наперекосяк! Ты можешь хоть что-то сделать по-человечески? Какая же ты бестолочь!

– Заткнись, мам! Это тоже будет весело! – крикнул безумец куда-то в пустоту.

От этого звука Тихон дёрнулся, но затем, пересилив страх, взглянул в окровавленное лицо с неммым вопросом. То, что этот человек сошёл с ума, теперь не вызывало сомнений. Разговор с матерью, которой просто не могло быть рядом, Тихону не понравился. Но то, что безумец пообещал ей, что будет весело, не понравилось ещё больше. У этого человека были очень странные понятия о веселье.

– На чём мы остановились? Ах да, – сказал мужчина с оружием и, заведя руку священника ему за спину, повёл того перед собой во двор прилегающей многоэтажки, озираясь по сторонам. Немногочисленные прохожие при виде их стремились спрятаться или убежать, провозируя неудержимое желание выстрелить в кого-нибудь из них. Тихон вполголоса бормотал молитву и периодически спотыкался. Его конвоира это жутко раздражало, и он сильнее заломил священнику руку, чтобы тот хоть на секунду заткнулся. Стоящее неподалёку такси, в котором водитель безмятежно ждал клиента, заставило план родиться самим собой. Безумец подошёл к машине и, резко открыв дверь, приставил пистолет к голове таксиста.

– Вышел из машины! Быстро!

Растерявшийся водитель тут же подчинился и, не успев выйти, получил удар пистолетной рукояткой в затылок. Вопреки ожиданиям, он не потерял сознание, но на землю всё же упал, держась за голову и громко матерясь. Расстроенный тем, что «как в кино» не получилось, безумец пнул несчастного в бок и, нацелив оружие на священника, сказал:

– Садись в машину, прокатимся.

– Не надо, пожалуйста. Я вам ничего плохого не желаю, – залепетал отец Тихон, понимая, насколько его слова бесполезны.

– Ты веришь в своего Бога? – мужчина подскочил вплотную к священнику.

– Я просто хочу...

– Отвечай на вопрос! Веришь? – ствол пистолета уткнулся в шею, потерявшись среди густой бороды.

– Верю, – с дрожью в голосе сказал отец Тихон.

– Ты ему служишь, так? – продолжал безумец.

– Служу, – подтвердил тем же тоном священник.

– Ты служишь тому, кто сделал со мной вот это, – сказал мужчина, указывая пальцем на текущую по лицу кровь. – Значит, ты с ним заодно. Так что у тебя теперь два выхода. Либо твою судьбу решу я и завалю тебя прямо здесь, либо твою судьбу решит твой Бог. Выбирай!

– Пожалуйста, оставьте меня в покое, – взмолился Тихон, и на его глазах проступили слёзы.

– Нет, нет, нет! – прорычал безумец в лицо священнику. – Я дал тебе выбор. Не заставляй меня делать его за тебя. Говори, я или Бог? Я или Бог?

– Боже, милостив буди мне, грешному, – забормотал дрожащим голосом священник.

– Вот и молодец. Правильный выбор. А теперь марш в машину!

От мощного толчка в спину Тихон упал, но тут же встал и послушно сел на пассажирское сиденье, продолжая непрерывно молиться. Безумец сел в машину вслед за ним, осмотрелся. Всё было знакомо, но встала проблема – куда убрать пистолет? За поясом он мешался, впивался в кожу и норовил выскочить. С приборной панели оружие скатилось бы при первом крутом повороте. Из кармашка на двери доставать неудобно и далеко тянуться.

Пока угонщик примерялся, Тихон прошёлся взглядом по двору, абсолютно пустому. В окнах тоже никто не мелькал, ждать помощи было неоткуда. Были слышны лишь тихие стоны таксиста и вой сирены, всё ещё далёкий. Неожиданно раздался глухой металлический хлопок, из подъезда вышла девушка с чемоданом на колесиках и уверенно направилась к такси. Увидев её, Тихон вздрогнул.

«Господи, если пришло время, я готов к встрече с Тобой. Но пусть на этом всё закончится. Хватит крови», – думал он и, смотря на девушку, начал мотать головой из стороны в сторону. Его губы беззвучно двигались, повторяя раз за разом слово «нет», но всё было напрасно. Девушка, едва выйдя из дома, достала телефон и стала быстро набирать на нём какой-то текст. Тихон едва не закричал, чтобы привлечь её внимание, но вовремя осёкся, вспомнив, что сидит в закрытой машине, словно в аквариуме. Его голос снаружи никто не услышит, а псих с оружием наоборот. Рука потянулась к ручке двери, но тут же одёрнулась: если безумец решит, что заложник убегает, наверняка начнёт стрельбу. Девушка всё приближалась, и Тихон сделал последнее, что пришло ему в голову – ударил по клаксону. Раздался требовательный звуковой сигнал, и она, наконец, остановилась. Её взгляд уткнулся сначала в священника, мотающего головой, затем в окровавленное лицо водителя, которое неожиданно повернулось к ней и приветливо заулыбалось. Тихон ещё сильнее замотал головой, и девушка, бросив чемодан, побежала обратно в подъезд.

Не успел Тихон облегчённо выдохнуть, как мир неожиданно смазался, его голову впечатало в стекло пассажирской дверцы. Оглушительная пульсирующая боль взорвала сознание, заставив ладонь рефлекторно потянуться к её источнику. Пальцы почувствовали нечто тёплое и липкое. Перед глазами полетели мушки.

– Ты что натворил, скотина? – завопил безумец, сжимая в руках пистолет, рукоять которого рассекла священнику бровь. – У меня могла быть хорошая компания, а теперь... Ты хоть представляешь, как с тобой скучно? Отче наш, бла-бла-бла.

– Ты же хотел посмотреть, как Бог защищает праведных, так? – дрожащим голосом пробормотал Тихон. – Господь защитит меня, а её? Я не знаю. Ей здесь не место.

– Ах да! Праведные! Бог! Я и забыл! – воскликнул безумец, вспомнив, почему изменил свой изначальный план.

– Ты забыл? Опять? Ты хоть что-нибудь можешь удержать в своей тупой башке? – запричитал голос матери в его голове.

– Я ничего не забывал, мам! Я всё помню. Просто... А, да заткнись же ты, мам! – завопил псих и, взяв пистолет в левую руку, воткнул первую передачу.

Раздался свист покрышек. Машина рванула с места, с ходу зацепив брошенный в незапамятные времена «ларгус». Безумец выругался и, сбросив скорость, повел такси в дальний от торгового центра выезд из двора. На его счастье, улица была пуста, что позволило беспрепятственно разогнаться. Не церемонясь с кочками, такси пролетало пару-тройку светофоров, на последнем едва не столкнувшись с небольшим грузовиком.

– Сейчас мы проверим, как тебя Бог любит, сейчас проверим, – бубнил себе под нос безумец.

Тихон его будто не слышал. Боль с каждым ударом сердца становилась чуть сильнее, ряса была залита кровью, накатила тошнота и слабость. Хотелось закрыть глаза, уснуть, и плевать, что будет дальше. Однако угроза столкновения заставила священника взбодриться. Рука вце-

пилаась в ручку над дверью и весьма вовремя – последовало несколько крутых поворотов, на которых такси грозило перевернуться.

– Куда ты меня везёшь? Скажи уже, наконец, – спросил Тихон с отчаянием.

– Сейчас узнаешь, – засмеялся безумец.

Один глаз священника был прикрыт опухшим веком и залит кровью, но другим он смог рассмотреть мелькавшие мимо дома, в основном старые и брошенные. Очевидно, путь вёл прочь из города, но для чего?

– Так, почти приехали, – прикусив губу, пробормотал сумасшедший.

Такси свернуло на пригородную дорогу, а спустя пару минут на трассу, ведущую из Москвы. Однако вместо того, чтобы встроиться в поток, машина повернула ему навстречу. Двигаясь по обочине, она разгонялась всё сильнее. Двигатель ревел на высоких оборотах.

– Господи, мы же разобьемся! Куда ты? – кричал не своим голосом священник.

– Чего ты боишься? – изумился безумец и истерично отрывисто засмеялся. – Твой Бог тебя защитит.

Когда стрелка спидометра стала подбираться к сотне, такси выехало с обочины на середину дороги. Транспорт двигался не слишком плотным потоком в это время суток, и первая легковушка, оказавшаяся на пути, успела перестроиться в другой ряд, заливисто ревя клаксоном. Безумец проводил её взглядом и утопил педаль газа. Двигатель натужно зарычал. В салоне запахло гарью. Другие автомобили не заставили себя долго ждать. Несколько легковых машин и небольшой фургон ехали навстречу. Они сигналили, пытаясь увернуться, и им это удавалось – участок дороги был прямым, как стрела. Желтое такси выделялось на серой ленте асфальта. Тихон крепко держал ручку над дверью, вознося Всевышнему молитвы.

– Неплохо едем, не правда ли? – кричал безумец в экстазе. – Если мы доедем до следующей развязки живыми, я, так и быть, поверю, что твой Бог на нас смотрит. Должно быть, он сейчас держит стаканчик с попкорном, а?

Тихон не слушал его. Он думал лишь о том, стоит ли ему попробовать выпрыгнуть из машины. На такой скорости это верная смерть, но лобовое столкновение оставляло ещё меньше шансов.

– Будешь молчать, я тебя пристрелю, – рявкнул сумасшедший, наведя дуло пистолета на священника.

– Что ты хочешь услышать? – вздрогнув, спросил Тихон.

– Попкорн! Твой дурацкий Бог любит попкорн?! – закричал безумец. – Отвечай сейчас же! Три, два...

– Да! Нет! Не знаю я, – растерялся Тихон.

– Плохо ты его знаешь. А ещё священник, – засмеялся псих в ответ.

Тем временем они выехали на мост, после которого прямая часть дороги заканчивалась, уходя вправо под крутым углом. Тихон решил, что именно там они и разобьются. Такси мчалось со скоростью не меньше ста двадцати километров в час, заметить её из-за поворота было просто невозможно. По злой иронии недалеко вверх по течению реки находилась церковь Тихона. Подумав об этом, он едва не издал нервный смешок, но страх намертво сковал его легкие. Такси увернулось ещё от двух автомобилей и уже приближалось к повороту, когда оттуда показался силуэт большого черного грузовика. Водитель, заметив желтую машину, резко вывернул руль, стараясь уйти от столкновения. Грузовик ударился в ограждение, осыпая обочину искрами, затем его занесло, и многотонная машина завалилась на бок, перекрыв проезд.

– Нет, ты это видел? В миллиметре разъехались! – кричал безумец, вытирая пот со лба.

– Остановись, пока никто не погиб. Умоляю тебя, – убедительно и громко сказал Тихон. – Разве тебе мало?

– Отстань, скучный, – махнул на него рукой безумец. – Развязка близко, чего ноешь?

Проходя поворот, такси немного сбросило скорость, но это не спасло от столкновения. Пожилой мужчина на серебристой «гранте» грубо зацепил их правое заднее крыло, от удара обе машины занесло. «Гранта», повиляв по дороге, врезалась в перекрывший дорогу грузовик. Такси же, скрежеща металлом, прочесало левым боком по отбойнику и тут же вернулось на дорогу. Двигатель отчаянно завыл, но не заглох. Мимо, в безопасном отдалении, проехало ещё несколько машин. Водители с изумлением провожали взглядом несущееся навстречу потоку такси и, поздно замечая препятствие, врезались в него вслед за «грантой». От удара кабина перевернувшегося грузовика пробила ограждение моста, наполовину повисла над рекой и стала сползать к краю. До развязки оставалось километра полтора, когда проехавший мимо такси бензовоз влетел в кучу машин, завалился на бок и загорелся. Те, кто не погиб во время столкновения, спешно покидали свои стальные ловушки, кто через дверь, кто через окна. Некоторые, несмотря на пожар, отчаянно пытались вытащить из салона своих родных.

Пока на мосту разворачивалась катастрофа, такси начало сбавлять скорость. Из-под капота повалил чёрный дым. Двигатель работал на последнем издыхании и мог заглохнуть. Оставшееся расстояние до развязки безумец ехал по обочине – вместе со скоростью у него пропало желание испытывать судьбу. Когда машина остановилась, Тихон всё ещё сжимал ручку над дверью, словно она могла спасти его в случае аварии. Безумец выдохнул и восторженно закричал:

– Это было круто, парень! Серьёзно, круче американских горок. Твой Бог крутой сукин сын.

Отец Тихон смотрел в одну точку, не в силах прийти в себя. Он не мог поверить, что остался жив.

– Ну, ты это... Вали давай, – переводя дыхание и озираясь по сторонам, сказал безумец. – Или тебя до дома подвезти? Я вроде как водитель такси.

Спустя мгновение на мосту раздался взрыв, который мигом отрезвил священника. Мыслительный процесс разогнался с нуля до максимума, словно в отвисшем компьютере. Тихон резко открыл дверь и практически выпрыгнул из машины, упав на асфальт. На мгновение ему показалось, что всё кончено, но затем он услышал твёрдый, громкий голос:

– Дверь за собой закрой, святоша.

Тихон дотянулся рукой до двери и из последних сил толкнул её. Она громко захлопнулась и такси уехало.

2

Холл городской поликлиники, и без того серый и неуютный, стал откровенно угнетающим и давящим на психику местом. Не меньше полусотни человек, желающих узнать судьбу своих близких, рвалось к окошку регистратуры, где сидела добела напуганная медсестра с древним, вечно тормозящим компьютером. Была жуткая давка. Люди толкались, едва не падали, местами назревала драка. Воздух сотрясали разноголосые вопли и детский плач. Те, кому удалось прорваться сквозь толпу, уходили по-разному: кто-то рвался из людской массы ещё бодрее, чем проталкивался в её нутро, кто-то медленно и со слезами на глазах выдавливался наружу помимо воли.

Тимуру повезло хотя бы в том, что ему не пришлось бороться с обезумевшей толпой. О том, что отец попал в аварию, он узнал практически сразу, – позвонил слегка отставший от Виктора коллега, – потому, когда они с матерью оказались в регистратуре, людей было сравнительно немного, и узнать судьбу отца не составило труда. Он был жив.

В больничном стационаре творился хаос. Врачи и медсестры суетливо перемещались по коридорам. Жуткий запах крови и медикаментов бил в нос. Были слышны звуки сирен всё пребывающих машин скорой помощи. Когда Тимур с Натальей пробрались к нужной палате,

никого из медработников там не оказалось. Больные лежали в своих постелях, некоторые мирно спали, будто не слышали царящей кругом неразберихи. Виктора узнать получилось не сразу. У него была забинтована голова, под глазом красовался солидный синяк, а на руке была повязка, пропитанная запекшейся кровью. Наталья кинулась к мужу в слезах, которые текли то ли от счастья, что тот жив, то ли от осознания того, что он мог погибнуть:

– Витенька, как ты? Что случилось?

Громов старший приподнялся, скорчившись от боли, окинул сонным взглядом жену, сына и, поправив подушку, заулыбался:

– Да нормально. Жить буду. Врачи говорят, что легко отделался.

– Легко отделался? – всплила Наталья. – Ты бы себя со стороны видел.

– Себя не видел. Но видел тех, кого по кусочкам собирали. Вот им действительно не повезло.

– Прекрати. Даже слышать ничего подобного не хочу. Скажи хоть, что случилось? Мы знаем только то, что авария была, взрыв. Ничего конкретного.

– Хм... Даже не знаю, с чего начать, – задумался на секунду Виктор, затем мысль немного оформилась и он продолжил: – Я ехал из Москвы. Всё было нормально, пока не увидел, как мне навстречу летит такси. Я сначала подумал, что водила перепутал развязки, но он даже не попытался остановиться или развернуться. Он летел навстречу потоку посреди дороги, будто специально. Я попытался увернуться, меня занесло, ударило об отбойник, и уже на мосту машина завалилась на бок. Тягач пробил ограду, наполовину повис над рекой. Не успел я прийти в себя, как в грузовик влетело несколько машин. Оттормозиться не успели. Там такой поворот, из-за леса ничего не видно. Кабина ещё больше продвинулась к краю. Нужно было вылезать оттуда. Я отстегнул ремень и попытался открыть водительскую дверь, выбраться наверх, но её заклинило. Мне ничего не оставалось, как открыть другую. Я повис на ручке двери и спрыгнул в реку. Вошёл, правда, не очень удачно, весь бок отбил. Когда я был метрах в десяти от берега, раздался взрыв, и мой тягач упал в воду. Помедлил бы пару минут, меня им бы и накрыло. Кстати, тапки, в которых я ушёл из дома, остались в реке, придётся новые покупать, – Виктор засмеялся, но смех вышел сдавленный – всё тело ужасно болело.

– Он ещё шутить пытается, остряк-самоучка, – недовольно фыркнула Наталья.

– Да всё же нормально, ладно тебе. Сотрясения мозга вроде нет, пара порезов, ушибы. Скоро домой выгонят, так что ждите, – сказал Виктор.

– Документы, я так понимаю, пропали с тягачом? – решил все-таки задать неприятный вопрос Тимур. Без страховки услуги врачей стоили таких денег, что начинало казаться, будто раствор бриллиантового зелёного и впрямь производят из настоящих бриллиантов.

– Как это пропали? А это что? – ухмыльнулся отец и кивком указал на мокрую барсетку, лежавшую на батарее. – Я же понимал, что без денег и документов мне лучше вместе с тягачом на дно, сообразил прихватить. Паспорт с полисом у врача, высушить обещал, кошелек под подушкой, мокрая одежда в пакете под кроватью. По поводу работы, всё тоже будет хорошо. Не переживайте. Ехал я без груза, а машины наши застрахованы, так что фирма на этом ещё и выиграет. Вот видите, у меня всегда всё под контролем.

Наталья даже не нашлась, что на это сказать, лишь покачала головой и шутливо изобразила удар по лбу. Тимур улыбался, смотря на их молчаливую перебранку, поражаясь тому, что его отцу нужно было оказаться на волосок от смерти, чтобы научиться шутить и радоваться мелочам.

– А откуда взялось это такси? – спустя небольшую паузу спросил Тимур. – Водителя поймали?

– Чего не знаю, того не знаю, – пожал плечами Виктор.

– Это стрелок из торгового центра, – включился в разговор лежавший на соседней койке пожилой мужчина. Поймав недоуменные взгляды, он пояснил: – Ну, это. Ворвался туда ненор-

мальный, убил двух охранников, потом захватил заложника, угнал такси, ну и решил прокатиться с ветерком.

– Не нравится мне это всё, – со вздохом сказал Тимур. – Дома взрываются, люди с собой кончают, авария эта со стрельбой. Всякое бывало, конечно, но столько всего за неделю, странно это.

– Нет тут ничего странного, сынок, – спокойно сказал Виктор. – Посмотри вокруг. Работы нет, жизнь тяжёлая, перспектив никаких. Люди сходят с ума и это неудивительно. Город вымирает. Ты давно мимо кладбища ездил? А я езжу каждый день. И скажу тебе, оно растёт, как раковая опухоль. Не думай лучше об этом.

Повисло неловкое молчание.

– Ты сам мне говорил, что бывало и хуже. Мы же крепкие. Мы и это переживем, – Наталья улыбнулась и легко поцеловала мужа.

– Конечно, переживем. Куда мы денемся, – сказал Виктор, вновь улыбаясь.

3

Вечером того дня *друг* сидел за столом, изучая карту. Он искал город, отмеченный в пришедшей ему инструкции как место хранения главного оружия. Ему следовало прибыть туда по завершении первого этапа миссии, но не позднее первого сентября текущего года. Времени оставалось мало, а ему ещё нужно было успеть подготовить последнее «мероприятие», самое страшное и разрушительное из всех задуманных. После него люди будут действительно раздавлены. Многие захотят сбежать от гнетущей реальности, и им будет предоставлена такая возможность.

Глава пятая. Мертвые с рождения

Среда, 30 августа 2028 г.

1

В кабинете участкового второго микрорайона перед зеркалом стоял мужчина в полицейской форме. Он придирчиво изучал свой внешний вид, смахивал одному ему заметные пылинки, то и дело поправляя галстук. Лейтенант Александр Бодров находился в своей должности неполные две недели, но уже стал изгоем среди коллег. Мало того, что с его приходом в городе начался полный бедлам, так ещё и сам Бодров усугублял своё положение, раздражая «стариков» своей педантичностью. Он соблюдал все формальности, на которые остальные давно махнули рукой, а также не стеснялся указывать другим на их ошибки. Поначалу от него отшучивались, делая скидку на юношеский максимализм, потом стали игнорировать и, в конце концов, начали грубо посылать. Последнее возымело действие, и Александр оставил в покое ополчившихся коллег. Те, в свою очередь, перешли в наступление и стали действовать на нервы самому Бодрову, подкалывая его и придираясь по любому поводу.

Молодого лейтенанта это всё мало заботило. Будучи сыном генерала полиции и не последнего человека в столице, он ожидал, что не пройдёт и полгода, как на него из рога изобилия посыплется повышения, а все те, кто над ним насмеяются, пойдут по миру с его лёгкой руки. Вопреки ожиданиям отпрыска, генерал хотел, чтобы заносчивый сынишка прошёл тот же путь, что и он в своё время, и добился всего сам. Александр об этом не догадывался, а потому стойко терпел все тяготы и лишения службы, искренне веря в их скоротечность.

– Эй, Сань! Я смотрю, никак не налюбуйешься на свою физиономию, – сказал вошедший без стука широкоплечий мужчина и водрузил свою тяжелую руку на его плечо. – Вот две недели ты здесь штаны просиживаешь, никакой пользы от тебя. Гора бумаг меньше не стала, а обход территории, поди, вообще забыл, когда последний раз делал.

Под весом руки худощавый Бодров прогнулся и, стараясь выбраться из псевдодружеских объятий, отошёл к столу, взял верхнюю папку из стопки и стал усердно её листать. Затем перевёл взгляд на коллегу и сказал:

– Не помню, чтобы мы с вами переходили на «ты», потому попрошу обращаться ко мне по уставу. Должна же быть хоть какая-то субординация?

– Да успокойся. Какая субординация? Весь мир катится к чертям. Скоро цену будут иметь только еда и патроны.

– А что вы, коллега, тогда здесь забыли? Как же закон, общественный порядок и служба родине? Или просто поближе к патронам быть хотите? – съязвил Бодров.

Лейтенант, конечно, не мечтал спасти от преступности всё человечество, но элементарное уважение к профессии отец вбил в него с детства.

Однажды шестилетний Саша, надев отцовский китель с фуражкой, побежал за сестрой, стараясь сокрушить её сложенным из пальцев пистолетом. Старший Бодров не оценил глупых детских игр с офицерской формой и решил провести воспитательную работу. В тот день широкий армейский ремень, лязгающий бляхой перед поркой, возглавил список детских страхов Саши, затмив собой всех подкроватных чудовищ. В дальнейшем и к просматриваемым сыном фильмам стало уделяться особое внимание. Бестолковые голливудские боевики оказались под запретом и были заменены советскими картинами про доблестных милиционеров. Будущий офицер рос законопослушным, но высокомерным. Он жил в своём идеальном мирке, где были правила, за нарушение которых всегда следовало наказание.

– Ах, раскусил, – иронично ответил сослуживец, – именно так. Когда всё рухнет, я общищу оружейку и укачу на служебном УАЗике куда подальше. На море, например.

Бодров, сделав вид, что не слушает, углубился в бумаги. Внушительная стопка состояла, по большей части, из досье на проблемных жителей микрорайона и заявлений на них написанных. Всю работу можно было сделать, не вставая со стула, написав формальные отписки, но Александр хотел быть правильным полицейским.

– Смотрю, решил начать с самого интересного? Это досье на Андрея Резина, по-моему. Колоритный персонаж. Вроде обычный тихий пьяница, но заскоки бывают. Как-то раз получил пятнадцать суток за то, что послал твоего предшественника. Правда, его быстро выпустили, брат подсуетился, да и всё-таки майор запаса, контуженый, ветеран войны. Ещё жена ушла недавно. Кстати, ты должен его навестить. Видишь, тут на него очередная жалоба за неуплату коммуналки. Ну, там, составишь протокол, познакомишься заодно. Уверен, с тобой он точно поладит. Ладно, осуществляй, как говорится, в целях дальнейшего недопущения, – офицер ехидно улыбнулся и, похлопав по спине Бодрова, вышел, аккуратно прикрыв за собою дверь.

– Да проваливай ты уже, – оставшись в одиночестве, сквозь зубы прошипел Александр.

Понимая, что здесь в покое его не оставят, он наскоро перечитал несколько верхних папок, выписал адреса и вскоре удалился из кабинета.

Несмотря на раннее утро, на улице было довольно тепло. Лейтенант шёл по обочине, заросшей травой по колено, и поражался царящей кругом разрухе. Выбитые окна в полуразрушенных домах, усеянный ямами и трещинами асфальт, рыжие от ржавчины трамвайные пути. С покосившихся фонарных столбов осыпалась бетонная крошка, обнажив стальной, изъеденный коррозией скелет. Обилие мусора на этом фоне уже не ужасало, даже наоборот – казалось чем-то уместным и обязательным.

Пройдя несколько кварталов, Бодров очутился у стандартной панельной пятиэтажки. Под облупившейся краской фасада проступал серый бетон, трещины фундамента активно штурмовала растительность. Почти все окна были занавешены, всё выглядело обезлюдевшим, и Александр отчего-то подумал, что ничего хорошего в этом доме его не ждёт. Но работа есть работа, и, пройдя по лестнице на четвертый этаж, он нашёл нужную дверь и ткнул пальцем в кнопку звонка. Тот не издал ни звука. Тогда Бодров начал энергично стучать кулаком в дверь.

В это время Андрей Резин – майор запаса из верхней папки, спал мертвецки пьяный на измятой кровати, почти не подавая признаков жизни. Тяжёлый вязкий сон, словно болото, затянул его сознание в такие глубины, из которых было трудно выбраться.

Такое состояние в последние две недели стало для Резина обыденным. Он почти ничего не ел и пил столько, что, помимо хронического гастрита, у него обострились и проблемы с головой. Весь позапрошлый вечер Андрей провёл в общении со своей матерью. Она корила его за то, что он спился, точь-в-точь, как отец, говорила, что такой сын для неё позор. Тот лишь уверял, что всё исправит, вот-вот найдёт работу, бросит пить, а бывшая жена ещё будет жалеть, что развелась с ним. Наутро уверенность в собственных словах таяла, а вместо неё появлялась головная боль и ужас от того, что с ним происходит нечто страшное. Мать уже как пять лет была мертва, и их разговор свидетельствовал лишь о том, что он медленно сходит с ума. Как всё это исправить, Резин не представлял, мысли путались, но в одном была твёрдая уверенность – надо немного выпить. Тогда голова просветлеет и начнёт мыслить в нужном направлении. Главное, вовремя остановиться и привести себя в порядок. Но остановиться у него получалось крайне редко.

Стук в дверь стал более настойчивый, и Андрей Резин, наконец, проснулся. Желудок болел, голова раскалывалась, горло пересохло, а во рту было такое ощущение, будто им хлели из сточной канавы. Облизав потрескавшиеся губы, Андрей попытался перевернуться, но стало ещё хуже. Тогда он твёрдо решил, что ни за что не встанет с кровати.

– Откройте! Это полиция! – громкий молодой голос за дверью заставил майора задуматься.

Как-то раз он уже послал старого участкового подальше, за что получил пятнадцать суток административного ареста. Отпустили его, правда, намного раньше, но второй раз такого могли не простить. Осознание собственной ничтожности вызвало волну гнева. С трудом подавив её, Резин усилием воли заставил себя встать. Мир поплыл перед глазами, к горлу подкатила желчь, едва не заставив вытошнить её на пол. На ватных ногах майор дошёл до коридора и открыл дверь.

Лейтенант Бодров увидел перед собой мужчину в грязной тельняшке, обтягивавшей немного свисавший дряблый живот. На выцветших штанах камуфляжной раскраски виднелись заплатки и пятна краски. Лицо, покрытое густой щетиной, опухло так, будто его покусали пчёлы. На лбу красовался длинный глубокий шрам. Налитые кровью глаза смотрели куда-то в пустоту, не в силах сфокусироваться на чём-либо.

– Доброе утро. Лейтенант Бодров, – представился молодой человек, показывая удостоверение. – У меня на вас жалоба из управляющей компании. Разрешите войти.

Резин молча отошёл от двери, давая понять, что гостю не рады. Участковый вошёл в квартиру, но вскоре пожалел о своей просьбе. Запах нестиранных вещей, гниения и перегара ударил в нос так, что заставил прикрыть его рукавом. Стены и косяки на уровне груди были сплошь покрыты грязью и жирными пятнами. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о хлам и пустые бутылки, между которыми шныряли тараканы. Бодров с отвращением скривился:

– Неужели вам, офицеру запаса, не стыдно жить в таких условиях?

Чтобы не устраивать соседям очередное представление, Резин захлопнул входную дверь. Это далось непросто – ноги не слушались, и он едва не вывалился в коридор. Восстановив равновесие, майор перевёл мутный взгляд на участкового:

– Мне кажется, вы пришли по другому поводу. Я себя плохо чувствую, поэтому заполните свои бумажки и оставьте меня в покое.

Лицо Бодрова приобрело одновременно оскорблённое и удивлённое выражение.

– Вы думаете, что можете мне указывать, как делать мою работу?

– Я вообще ничего не думаю, просто хочу побыть один, – сквозь зубы просипел Резин.

– К вашему сведению, в обязанности участкового также входит и воспитательная работа с гражданами на вверенном ему участке, – затараторил Бодров тоном назойливого учителя.

На этом запас терпения у майора иссяк. Охвативший его гнев начал вытеснять хмельное помутнение, придавая разуму ясность, а ногам твёрдость. Расправив плечи, майор сказал:

– Только не говори, что ты меня воспитывать собрался. Не досор ещё. Тебя вообще не учили уважать старших по званию?

– Вы офицер запаса, находитесь не на службе, и я не ваш подчиненный, – начал спорить Бодров.

– Да такие щенки, как ты, у меня гуськом по плацу ползали и ботинки мне чистили, – рыкнул Резин в лицо участковому, обдав того волной перегара.

– Вы хотите, чтобы я привлёк вас к ответственности за неуважение представителя власти? – забормотал лейтенант, выпучив глаза.

Майор уже кипел от ненависти. Единственное, чего он хотел – это схватить назойливого выскочку за глотку и душить, пока его выпученные глаза не вылезут из орбит.

– Мне не впервой. Делай что хочешь, только свали с глаз долой, – выплёвывая каждое слово, сказал Резин.

– Мы ещё увидимся, только в другом месте. Это я вам обещаю, – важно проговорил участковый.

Над коллегами Бодров власти не имел и мог лишь терпеть насмешки, но сейчас козыри были у него на руках. Насытившись тем, что ему казалось проявлением законной силы, молодой участковый уже собрался уходить, как вдруг Резин сжал кулак и, вложив всю злость, ударил его по затылку. Худощавого лейтенанта отбросило, словно тряпичную куклу. Он потерял сознание ещё до того, как ударился головой о стену. Безвольно рухнув на скопище пустых бутылок, обмякшее тело раскатало их по полу, как кегли. Затем наступила тишина.

2

Всё утро *друг* провёл в предвкушении. Он проделал немалую работу для того, чтобы найти идеального человека для своего финального аккорда. Во многих пыльных кабинетах местных участковых ему пришлось побывать, много папок перебрать. Ему был нужен бывший военный, которому нечего терять, одинокий и пропитанный ненавистью к окружающему миру. Таких нашлось несколько, но внимание *друга* привлёк именно он. Офицер запаса – майор Андрей Резин. Фото, прикрепленное к делу, отражало нужное состояние души. Злобное, сальное, практически квадратное лицо, жесткая щетина, мутный взгляд, огромный шрам на сморщенном лбу, толстая шея, но главное – приличный опыт службы в инженерных войсках. Такой человек по долгу службы обладал знаниями, позволяющими собрать самодельное взрывное устройство из легкодоступных ингредиентов, например, на основе аммиачной селитры и дизельного топлива. Грамотно заложенное, оно могло натворить бед в большом скоплении людей, коим являлся приближающийся День города.

Мероприятие это, весьма скучное и унылое, неизменно собирало на площади большую часть города. Небольшая сцена, ведущая с бодрым голоском, представляющая очередное чудо местной самодеятельности, огромная толпа подпитого народа, едва контролируемая полусотней полицейских – идеальный момент для жирной и кровавой точки. Оставалось только встретиться взглядом с исполнителем и немного поговорить по душам.

3

Майор Резин сидел за кухонным столом, держась руками за голову. Он понимал, что теперь его точно посадят, запрут, как бешеную собаку. Глупый заносчивый лейтенант, так не вовремя к нему зашедший, неподвижно лежал в ванной, истекая кровью. Резин подумывал избавиться от тела, но не представлял, как сделать это незаметно. Неожиданно раздавшийся стук в дверь показался ему приговором. Уверенный в том, что за ним приехал наряд полиции, майор твердо решил без боя не сдаваться. Свои шансы на побег он оценивал трезво, – четвертый этаж всё же не первый, в окно не выпрыгнешь, да и бежать ему было некуда. Взяв кухонный нож обратным хватом, он медленно подошёл к двери и посмотрел в глазок. На пороге стоял худощавый мужчина в сером рабочем костюме.

– Чего тебе? – бросил Резин через дверь.

– Я... Нам нужно поговорить, – растерялся *друг*, удивленный тем, что ему не открыли.

– Проваливай! – лишь приглушённо буркнули ему в ответ.

На ватных ногах майор дошёл до кресла, плюхнулся в него, выронил из дрожащей руки нож и нервно выдохнул.

– Ещё не всё потеряно. Ещё можно что-то придумать, вот только...

Взгляд зашарил по бутылкам в робкой надежде, но все они были предсказуемо пусты. В бессильной злобе Резин стиснул зубы и начал бить огромными кулаками по подлокотникам, пока не послышался характерный древесный хруст.

Справляться с агрессией у майора вообще получалось редко, особенно в пьяном виде. Он не мог вспомнить, когда алкоголь стал его лучшим другом и спасением, – то ли после вынуж-

денного ухода из армии, то ли после развода с женой, – но было ясно одно – война с Китаем за Дальний Восток сломала его. Сначала из-за ошибки Резина погиб целый батальон, затем и он сам попал в засаду, где чудом выжил. Контуженый, майор провёл в плену больше года, и лишь в конце войны был передан по договору об обмене пленными в Россию. На мирной службе у него не ладилось, а потом Резин и вовсе попал под сокращение. Страна, служению которой он посвятил большую часть жизни, попросту отказалась от него, выдав нищенскую пенсию и доброе напутствие идти на все четыре стороны. Приспособиться к новой жизни майору помешала гордость, – в простые трудяги он себя определять отказывался, а работу по чину ему никто так и не предложил. В итоге алкоголь и скверный характер довели его сначала до одиночества, а затем и до помутнения рассудка, о чём красноречиво свидетельствовало тело, лежащее в ванной.

Резин уже начал успокаиваться, когда снова услышал стук в дверь. Он успел забыть про худощавого рабочего, пришедшего минут пять назад, и, вспомнив о нём, задумался. Откуда он взялся? Опять коммунальщики прислали? Кроме холодной воды, в его квартире больше нечего отключать. Подослали полицейские? А для чего? Выманить из квартиры, чтобы не выбивать хлипкую деревянную дверь? Не похоже. Ему стало одновременно страшно и любопытно. Осторожно подойдя к двери, Резин взглянул в глазок и увидел бутылку водки, которую аккуратно держали перед его взором чьи-то пальцы. Где-то в груди требовательно заныло. Желание выпить начало вытеснять липкий сковывающий страх. Сглотнув слюну, майор открыл.

– Здравствуйте, друг мой.

Поймав взгляд Резина, *друг* сразу ощутил нестабильность его затуманенного сознания. Майор словно не понимал смысл слов, что слышит. Он начал бормотать что-то под нос с вопросительными интонациями, но это было неудивительно. Пьяный человек не может полностью контролировать себя, поэтому и отдать себя под полный контроль не может. Станным было другое. Управлять разумом майора мешала ещё и некая заикленность того на какой-то мысли. Она вызывала в нём страх, заставляла руки трястись, а тело покрываться липким потом.

«Неужели он так сильно хочет выпить?» – промелькнуло в голове у *друга*.

Он прекрасно знал, насколько плохо бывает пьющему человеку по утрам, хотя сам не выпил в жизни ни капли спиртного. Ему часто приходилось видеть мать пьяной, и если на следующий день она могла встать с кровати и опохмелиться, значит, всё не так плохо. Если не перегнёт палку, то руки перестанут трястись, настроение улучшится, а вечером, возможно, будет ужин. Но если мать с кровати встать не могла, это было плохо. Он пытался за ней ухаживать, приносил воду, но она лишь стонала и материлась. В таком состоянии она нередко говорила сыну, что тот сломал ей жизнь. Протрезвев, она об этом забывала, но он перестал пытаться помочь ей в такие дни, решив, что лучше просто не попадаться на глаза.

Ослабив контроль над разумом майора до уровня нормального восприятия, *друг* сказал:

– Я – ваш друг. Я думаю, нам нужно немного поговорить. Вы не будете против, если я зайду?

– Нет, не против, – ответил майор с улыбкой, выглядевшей неестественно на излучавшем злобу лице.

Несмотря на полную концентрацию, *друг* почувствовал всю палитру зловоний, идущую от квартиры и её хозяина. По полу, грязному настолько, что на нём мог вырасти газон, было противно ходить. Пройдя сквозь лабиринт из хлама и бутылок, мужчины сели за стол.

– Я хочу вам помочь, друг мой, – начал *друг*, осторожно поставив бутылку на стол. – Помочь понять, почему вы живете не так, как заслуживаете. Вы же не этого хотели, Андрей. Я прав?

Резин смотрел на собеседника с той же полужлобной улыбкой, не в силах хоть что-то произнести. Ему снова мешала эта заикленность на какой-то мысли. *Друг* решил, что от неё

нужно избавиться. Если без дозы спиртного этот человек бесполезен, то стоит рискнуть. Он налил примерно сто грамм резко пахнувшей прозрачной жидкости в стакан и подвинул его майору.

– Пейте, если хотите, – доброжелательно сказал *друг*.

Ему пришлось ослабить контроль ещё сильнее, чтобы дать жертве проявить волю. Резин осушил стакан за пару глотков и медленно поставил его на стол. Водка тяжёлым пламенным потоком обрушилась в желудок. Морок в голове усилился, притупив все тревожные мысли.

– Андрей. Я ваш друг. Вы помните об этом? – спустя полминуты сказал *друг*.

– Да, – уверенно ответил Резин.

– Я говорил о том, что вы не заслужили такой жизни. Вы согласны?

– Да, согласен.

– Я хочу помочь. Вы должны наказать тех, кто довел вас до такого. Вы знаете, кто в этом виноват?

– Я знаю, кто виноват, – сказал майор, и улыбка пропала с его лица. – Это всё из-за наглых узкоглазых тараканов.

Такое оскорбление в адрес китайцев, а затем и всех людей с азиатскими чертами лица, вошло в обиход в начале войны за Дальний Восток. Когда стало ясно, что остановить конфликт, не потеряв территорию, у России не получится, оскорбления стали подкреплять кулаками. Гнев, копившийся в народе, жаждал найти выход, отчего страдали в основном ни в чем не повинные казахи с якутами, случись им встретиться с радикально настроенными молодыми людьми. *Друг* не стал исключением. Восточный разрез глаз хоть и не был сильно заметен, но для сверстников стал достаточным поводом для издёвок и избиений.

– Хорошо. Кто ещё?

Друг хотел быть беспристрастным, но оскорбление, принятое на личный счет, задело его. Он ждал, что майор продолжит, но тот молчал.

– Кто ещё? – теряя терпение, спросил *друг*.

– Они. Только они, – коротко сказал Резин.

– А как же правительство, друг мой?

– Я воевал не за него. Я воевал за страну, за людей.

– За страну, что не ценит тех, кто рискует ради неё жизнью? За людей, что проходят мимо тех, кто оступился и упал? За это вы воевали, друг мой?

– Это всё они...

Майор говорил отстраненно, и казалось, что он о чём-то задумался.

– Вы считаете, что люди, живущие за сотни километров от вас, испортили вашу жизнь? – продолжал *друг* с неподдельным интересом.

– Я сам всё испортил, – неожиданно ясным трезвым голосом сказал майор, и на его лице отразилось сожаление. – Всё из-за моей слабости. Она просила меня начать новую жизнь, но я не нашёл сил на это. Перестать пить я тоже не смог. Я был сильным, пока они меня не сломали, – в его голосе залязгал металл. – Я сидел в клетке, раздетый, без еды и воды. Этим тараканам нравилось надо мной издеваться. Особенно мальчишкам. Они без конца тыкали в меня палками и смеялись. Но я не остался в долгу. Я поймал одного. После этого никто надо мной не смеялся. Как же легко сломалась его шея.

Друг предельно ясно увидел эту картину, и по его спине побежали мурашки. Он представил себя на месте того мальчика, не представлявшего опасность, и убитого за детскую шалость. Ненависть к сидящему напротив человеку начала душить его. Больше всего ему хотелось выхватить свой легкий субкомпактный пистолет из потайного кармана куртки и прострелить голову этому мерзавцу, что с таким упоением говорит об убийстве ребёнка.

– За это они подвесили меня спиной к земле, и один из этих уродов сказал: «Бамбук. Ты понимать?» Я понимал. И ждал смерти. Мне постоянно казалось, что острые ростки впиваются

мне в кожу. Мне было больно. Я кричал. Но в один момент верёвки разрезали. Я упал на землю и понял, что всё это мне казалось. Не было никаких ростков. А они смеялись надо мной. Они смеялись!

Когда *друг* понял, что теряет над майором контроль, было уже поздно. *Он* попытался ухватиться за его сознание всеми силами, подавить его волю своей, но ничего не получалось.

– Они смеялись надо мной! – на глазах Резина выступили слёзы. – Я не могу их наказать! Они же смеются!

От истерического хохота майора кровь стыла в жилах. Это был смех безумца, человека, окончательно потерявшего связь с реальностью. Неожиданно Резин со злобным рыком вскочил из-за стола, едва не перевернув его. В глазах пылала животная ненависть и, увидев её, *друг* понял, что пропал. Его бомба уже взорвалась.

Выхватить пистолет *он* не успевал, поэтому первое, что пришло в голову, это бежать. Бежать куда глаза глядят, и пропади пропадом все три анклава со своими войнами, лишь бы вырваться из клетки со зверем. *Друг* вскочил из-за стола и метнулся к выходу, но, не рассчитав, обронил стул и споткнулся об него. Дикой болью отозвалась потянутая лодыжка. Не обращая на неё внимания, *друг* вскочил и побежал изо всех сил, но майор нагнал его и, схватив за волосы, начал бить головой о стену.

Глухие удары вперемешку с прерывающимися воплями шли один за другим. *Друг* пытался вырваться, но сильные руки держали его слишком крепко, и каждый удар был сильнее предыдущего. Стена покрывалась пятнами свежей крови. Почувствовав, что носовая перегородка хрустнула, и по губам потекла теплая струя, *друг* понял, что его сейчас убьют, и истошно заорал. Лицо, превращавшееся в кровавое месиво удар за ударом, как кисть в руках психически больного художника, рисовало на старых обоях уродливую картину. После полутора десятков ударов крик оборвался, и тело упало на грязный пол.

4

Тем утром в квартире Громовых было необычайно тихо. Город только начал просыпаться, и посторонние звуки снаружи почти не проникали. Телевизор молчал. Не было ни разговоров, ни смеха, лишь изредка постукивали ложки о тарелки, в которых остывала неспешно доедаемая овсянка.

Тимур смотрел невидящим взглядом в свой завтрак, хмурый, словно грозовая туча. Его лицо выглядело бледным, под глазами виднелись серые полукруги синяков. Лоб был изрыт глубокими морщинами, отчего он выглядел лет на десять старше. Раньше такое состояние могло не иметь весомой причины, потому проходило само собой, но сейчас причин хватало. Отец лежал в больнице, мать весь прошлый вечер ходила с красными от слёз глазами, Алиса без конца спрашивала про папу и тоже плакала. Сам воздух в квартире словно пропитался тоской и страхом. Тимур не мог видеть родных такими, но тяжелее всего ему было от собственного бессилия. Отец едва не погиб из-за безумца на жёлтом такси, и он никак не мог этого предотвратить. Мать с сестрой не находят себе места, и он не может их утешить. В городе день ото дня происходят всё более странные и ужасные трагедии, и с этим он тоже не мог ничего поделать.

– Хватит ковыряться. Доедайте скорее, а то опоздаете, – сказала Наталья усталым голосом, в котором слышалось раздражение.

Тимур оторвался от своих мыслей и взялся торопливо уплетать кашу. Она была на редкость безвкусная, совсем не похожая на ту, что мама готовила обычно. Ни ягод, что продавали старушки на вокзале, ни мёда, что отец привозил летом из Москвы, ни соли – ничего этого в ней не было. Тревога за мать, словно нитка на катушке, пошла на новый виток.

Когда Тимур услышал первый невнятный вскрик, он даже не обратил на него внимание. В семье привыкли к звукам ругани, падающих предметов и бьющейся посуды, что частенько

доносились из соседних квартир. В ночь с пятницы на субботу в доме и вовсе разгорались настоящие испанские страсти. Весёлые застольные разговоры со смехом и шутками довольно быстро перерастали в пьяные скандалы. Пытаясь уснуть, Тимур часто переживал, что ссорящиеся поубивают друг друга. Ближе к трём часам ночи он уже ждал, когда это, наконец, произойдёт, лишь бы наступила долгожданная тишина.

Крик, что последовал за первым, заставил Громовых тревожно переглянуться. Это был скорее вопль, отчаянный и душераздирающий. Он пробирал до дрожи, заставляя сердце биться быстрее. В этом звуке ясно читалось послание: «спасите, меня убивают, здесь и сейчас». Тимуру показалось, что этот звук шёл из квартиры напротив, где жил отставной военный – большего о нём мало кто знал. Но из его квартиры редко можно было услышать шум, а временами жильцы дома поговаривали, что он может умереть за запертой дверью и никто этого не заметит. Но сейчас там кого-то убивали.

– Что это? Это в квартире напротив, да? – повернулся Тимур к матери.

– Кажется... – лоб Натальи покрылся холодным потом.

– Надо что-то делать, – решил Тимур и, вскочив из-за стола, направился в коридор. Наталья, резко встав, схватила сына за руку.

– Я тебя не пущу. Просто вызовем полицию и всё, – её голос хоть и дрожал, но был требователен и жёсток.

Ударивший бичом по ушам визг заставил мать с сыном вздрогнуть, а Алису заплакать.

– Ты что, не понимаешь? Там человека убьют, пока она приедет, – Тимур попытался вырваться.

– Я не пущу тебя, – повторила Наталья тем же тоном, но услышав, как плачет дочь, заплакала сама.

Вновь раздавшийся нечеловеческий крик заставил её дрожать. В глубине души она понимала, что поступает неправильно, но рисковать жизнью сына ей хотелось меньше всего. Только не сейчас, после того, как муж едва не погиб. Она не могла этого допустить.

– Мам,пусти, – крикнул Тимур, освобождая руку. – Я так не смогу. Как мне потом жить с этим?

– Господи, ну почему именно ты? – с отчаянием простонала женщина.

– Доверься мне. Всё будет хорошо, – сказал Тимур и, за несколько шагов оказавшись в коридоре, стащил пыльный увесистый чехол с антресоли.

Перед соседской дверью Тимур замер в нерешительности – крики смолкли. На мгновение он задумался, не могли ли они ему причудиться? Нервы в последнее время были ни к чёрту, ещё и со сном проблемы. Однако в глубине души Тимур знал, что не ошибается. Его что-то манило в ту квартиру. Ему казалось, что чёрная дыра с кроваво-красным ореолом всматривается в него сквозь дверь, неумолимо затягивая внутрь. Это было странное ощущение. Тимур чувствовал себя, словно мотылёк, беззаботно летящий на огонь. Взяв поудобнее двустолку-вертикалку, доставшуюся от деда, он вошёл.

Незапертая дверь легко открылась поворотом ручки, и от представшей перед глазами картины у Тимура по спине прошёл холодок. На полу в углу, среди хлама и пустых бутылок, лицом вниз лежал мужчина в рабочем костюме. Стены над ним темнели потёками крови, кажущейся черной в закрытой занавесками комнате. Тимур нажал на выключатель в коридоре, но свет не зажегся.

– Есть здесь кто? – крикнул Тимур, но его вопрос остался без ответа.

Он хотел проверить, есть ли пульс у лежащего мужчины, но боялся, что сосед застанет его врасплох.

– Я вызвал полицию, и я вооружён, – предупредил Тимур, продолжая вслушиваться.

Мушка ружья суетливо дёргалась влево-вправо. Вспотевшие руки нервно перехватывали цевьё и рукоять. Приклад с каждым шагом норовил соскользнуть с ключицы, заставляя нервничать ещё сильнее.

Тимур, как и его отец, не испытывал тяги к оружию. Он стрелял из ружья раз в жизни, ещё когда дед был жив, и впечатления были не из приятных. Звон в ушах и синяк на плече надолго отбили желание общаться с оружием.

Тимур осторожно заглянул в комнату и увидел сидящего за столом как ни в чем не бывало майора. Тот держал в руках наполненный стакан. Рядом на столе матово отблёскивал маленький плоский пистолет.

– Тебя ведь Тимур зовут, – Резин мельком взглянул на направленное в его сторону оружие. – Посиди, выпей с соседом хоть раз. Ненавижу пить в одиночестве.

– Вы убили человека, – голос Тимура дрожал, как и он сам.

– Невелик грех. Мы и так все мертвы с рождения. И я скоро умру, и ты умрешь. И все, кого ты знаешь, умрут, – сосед вздохнул и выпил.

– Отбросьте пистолет в сторону и поднимите руки.

Майор удивленно посмотрел на оружие, лежавшее на столе, взял его в руку.

– Представляешь, у этого таракана с собой был ствол, – он отстранённо покрутил пистолет в руках. – Главное, вырядился по бедному, а сам с такой хорошей вещью ходит. Это тебе не макаров со стёртым серийником, купленный в подворотне. Это качественно сделанное оружие под весьма узкие задачи. Понимаешь, к чему клоню?

Страх сковал Тимура так, что он не смог бы ответить, даже если бы знал.

– Вот только что ему от меня-то надо было, не пойму. Что ему от меня надо? – в спокойный тон Резина начали вплетаться истеричные нотки. – О, Господи. Что-то снова начинается. Я знал, что эти тараканы не уймутся. Я знал. Боже, что же делать?

Тимуру казалось, что если он сейчас уйдёт, сосед не заметит этого.

– А что я могу сделать? Меня же сейчас посадят. Даже если расскажу всё как есть, мне никто не поверит. Тимур, – Резин резко перевёл на него взгляд, – ты же слушаешь меня?

Тот не опускал ружьё, следя за пистолетом, но спустя мгновение кивнул.

– Тимур, эти узкоглазые что-то задумали. Я воевал с ними, я знаю их породу. На этот раз они придумали что-то на редкость хитрое, пакостное. Не знаю что, но, может, ты догадаешься. Вдруг ты сможешь что-нибудь сделать? А я уже всё – кончился. Не поеду я в тюрьму. Придётся тебе обо мне позаботиться.

– Что вы имеете в виду? – вытаращил глаза Тимур, прекрасно поняв соседа.

– Убей меня. Сам не могу, Бог не простит. А ты будешь героем. Я тут двоих человек убил. Могу и больше. А ты меня остановишь. Давай, – уговаривал Резин.

– Как это? Я так не могу, – Тимуру стало ещё страшнее, чем когда он ожидал нападения.

– Ну не будь ты тряпкой, – Резин добавил в голос стали. – Я воевал за тебя. Чтобы ты мог ходить по своей земле, девок за сиськи мацать, детей растить. А ты не можешь выполнить для меня маленькую просьбу?

Тимур не нашёлся с ответом. По его мнению, просьба была вовсе не маленькой. За окном послышался вой сирены.

– У меня нет времени тебя уговаривать, поэтому поступим так, – Резин передёрнул затвор пистолета и, направив его Тимуру в голову, нажал на спусковой крючок.

Раздался мощный хлопок. В ту же секунду Тимур помимо воли закричал и выстрелил дулетом в ответ. По ушам ударило будто молотом. Отдача толкнула юношу назад, и он, оступившись, упал в груды мусора. Запахло сгоревшим порохом и кровью. Трясушимися руками Тимур отбросил ружьё и стал неуверенно водить ладонями по голове. Убедившись в том, что не пострадал, он приподнялся на локтях и взглянул на Резина. Двойная порция картечи, уго-

дившая в грудь, сбросила его вместе со стулом на пол. Лежавшее на боку тело наполовину загораживали спинка и сиденье. Капли крови стекали по забрызганной скатерти на пол.

Когда в квартиру забежала Наталья и закричала, увидев безобразную бойню, Тимур её не услышал. Звон в ушах перекрывал все звуки извне. Он понял, что мать рядом, лишь когда она бросилась к нему и стала его осматривать, лихорадочно бормоча что-то себе под нос.

5

Полицейские появились пару минут спустя. Вооружённые, в масках, они ураганом занесли в квартиру, с криками и матом подняли мать с сыном на ноги и заставили встать к стене. После обыска и недолгих расспросов двое из них завели руки Тимура за спину, надели наручники и вывели прочь. Наталья рыдала, умоляла его отпустить, говорила, что сын лишь пытался спасти человека, на что ей лишь пообещали разобраться.

В отделении Тимур рассказал свою версию событий. Сидевший напротив офицер записывал всё, что ему казалось важным, с абсолютно безразличным выражением лица, затем сказал:

– Плохи твои дела, парень. Даже если всё так, как ты говоришь, это мало что меняет. Разрешение на оружие есть у твоего отца, не у тебя. Не знаю, зачем тебе понадобилось в это лезть, но что тебе сейчас действительно понадобится, так это хороший юрист.

На столе зазвонил телефон, полицейский снял трубку. После недолгого разговора он положил её и сказал:

– Интересно получается. Тот человек, что лежал на полу, в коридоре, знаешь кто?

– Понятия не имею, – буркнул Тимур. – Сосед нёс какую-то чушь про узкоглазых, которые не унимаются.

– Да это у него на войне крыша поехала. Перепил, вот и накиннулся на мужика. А тот, оказывается, журналист из Москвы. Поди, приехал расспросить о том, как ветеранам на пособие живётся. Вот и узнал.

– А почему он в одежде рабочей, как все? – удивился Тимур.

– По-твоему, он должен был по району в костюмчике расхаживать? Чтоб шпана в первом же переулке порезала? – полицейский усмехнулся, словно это было понятно даже ребёнку.

– А оружие? Пистолет? – спросил Тимур.

– Тут разбираться надо. У майора денег не дорогую бабскую игрушку точно не было. Может, журналист прикупил перед тем, как на задание редакции выехать. Из столицы к нам всё равно, что с мирной жизни на войну. Ты бы слушал больше, чем спрашивал, – строго сказал офицер, и Тимур замолчал. – Так вот. Мужики сказали, что в ванной у соседа твоего лежал ваш участковый. Этот, новенький, Бодров. Тоже из столицы присланный. Бывают же такие совпадения.

Полицейский засмеялся, словно удачной шутке, но, увидев недоумение в глазах Тимура, осёкся и продолжил:

– Я это к чему, собственно. С одной стороны, ты превысил пределы обороны и всё такое, но с другой – ты, возможно, спас жизнь офицера полиции. Мне сказали, что он легко отделался. Думаю, есть шансы, что тебя оправдают или хотя бы дадут условку.

– Шансы? Понятно, – вздохнул Тимур.

В этот момент ему впервые в жизни стало по-настоящему обидно. Если его посадят, мать с ума будет сходить, сестра останется без брата на неопределённый срок, на семью свалится ещё большее финансовое бремя, и всё ради чего? Ради возможности спасти незнакомого человека? Все моральные принципы, такие правильные и незыблемые в книгах, в один момент показались глупостью. В книгах нет невнятно прописанных законов, нет судей, которым проще посадить, чем разбираться в ситуации. В книгах героизм не карается тюрьмой.

После заполнения несчётного количества бумаг Тимура отвели в одиночную камеру, где он провёл остаток дня и всю ночь.

Глава шестая. Миссия

Четверг, 31 августа 2028 г.

1

Спокойно спать в камере получается только у тех, кто долгое время отбывает срок. Свобода ещё не озаряет горизонт их ближайшего будущего. Эти люди не одну сотню раз успели обдумать поступки, что привели их к этой незавидной судьбе, они привыкли к жизни без свободы и лишь смиренно ждут, когда их срок не начнет истекать. Всем остальным за решеткой спится откровенно плохо.

Тимур промаялся всю ночь, не находя себе места. Он то сидел, то лежал, то ходил взад-вперёд по камере. Его бросало из отстранённого молчания в безудержную истерику и обратно. Хотелось кричать о своей невинности, о несправедливости. В минуты шаткого покоя Тимур снова и снова прокручивал в голове прошлое утро. Он жалел, что тогда дома не оказалось отца с его опостылевшими новостями. За телевизионной болтовнёй криков можно было и не услышать. В ином случае Виктор бы не позволил сыну войти в ту квартиру, и обезумевший майор не вынудил бы в него выстрелить.

Однако чем больше Тимур прокручивал в голове последние слова соседа, тем больше сомневался в их безумии. Самоубийства, взрыв в жилом доме, перестрелка в торговом центре и последовавшая за ней авария – всё это было слишком для небольшого индустриального городка. «На этот раз они придумали что-то на редкость хитрое, пакостное». Кто *они*? Неужели люди из Единого Восточного Союза? Как они могут быть связаны с произошедшим в городе? При чём здесь участковый и журналист? Вопросов было много, а ответов – ни одного.

Ближе к утру Тимур погрузился в полудрёму, но по-настоящему заснуть никак не получалось. В камере было довольно холодно, жёсткая кровать скрипела, бельё на ней странно пахло. Мысли притихли в вымотанном переживаниями мозгу, но всё же медленно проскальзывали, словно кадры в диафильме. В коридоре снова захлопали шаги, и Тимур краем сознания подметил, что они быстрее, чем при обычном обходе. Скрежет металлической двери окончательно разбудил его. Он присел на край кровати и увидел в проёме сонного полицейского.

– Громов Тимур Викторович? – спросил сонный голос. Тот кивнул. – Пройдёмте со мной.

Вопреки ожиданиям, на него не надели наручники. Тимура провели в просторный кабинет, где при свете лампы он увидел рослого широкоплечего мужчину. Его форма отличалась от привычной, погоны были с тремя крупными золотистыми звёздами и двумя красными полосами.

– Оставьте нас наедине, – сказал генерал-полковник сильным благородным басом, и полицейский, отдав честь, удалился.

Тимур растерянно проводил своего конвоира взглядом, пока за ним не захлопнулась дверь. Повисшую тишину нарушали лишь звуки удаляющихся шагов. Генерал неспешно сел за стол начальника участка, откинулся на спинку кресла, сложил руки на скромном для его чина животе.

– Вы меня не знаете, молодой человек, но моя фамилия, скорее всего, покажется вам знакомой. Бодров. Ни о чём не говорит? – спросил он.

– У нашего участкового такая же, – робко ответил Тимур.

– Вы правы. Это мой непутёвый сынок. Всегда влипал в неприятности на ровном месте, и тут умудрился наломать дров. Саша сейчас без сознания, но врачи говорят, что скоро он поправится, и во многом это ваша заслуга. Именно вы оказались рядом и вмешались. Выражаю вам за это огромную благодарность, – генерал протянул руку Тимур, и он неуверенно её

пожал. – Я позабочусь, чтобы судья принял верное решение по этому делу. Вы уже проходите по нему как свидетель. Ружье вам вернут после суда, но лучше оформите его на себя, если собираетесь им пользоваться. В этом вам тоже посодействуют. А сейчас вы можете идти.

Тимур стоял как вкопанный, не в силах сдвинуться с места. Генерал посмотрел на него искоса и сказал:

– Что такое? Вы можете идти. Я ещё отблагодарю вас как следует, когда сын поправится.

– Спасибо, – не веря своим ушам, буркнул Тимур.

Он нерешительно вышел из кабинета, и, ускоряя шаг с каждой секундой, выбежал из отделения. Его грудь сотрясал нервный смех. Подступили непрошенные слёзы. Понадобилось несколько раз больно ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон. Казалось, мимо пронёсся поезд, что должен был неминуемо сбить. Рассвет только занимался, город спал, и Тимур не жалея ног помчался домой. Ещё никогда бег не давался ему так легко. Только сейчас он понял, сколько в этом действии свободы. Перед ним лежал весь мир и открывались тысячи дорог, среди которых можно было выбрать любую, но его интересовала лишь одна.

Тимуру понадобилось не больше десяти минут, чтобы добраться до своего двора. Не чувствуя усталости, он забежал в подъезд своего дома, взлетел по лестнице и трясущимися руками заколотил в дверь. Наталья тут же открыла ему, изнеможённая и уставшая. Было видно, что она с вечера не сомкнула глаз.

– Боже мой, отпустили, – не веря своему счастью, выдохнула женщина и крепко обняла сына.

Тут же послышался топот босых ножек, и прозвучало радостное:

– Тима, Тима!

Тимур подхватил сестру на руки, расцеловал и они всей семьёй пошли на кухню. Спать уже никто не собирался, поэтому Наталья поставила чайник, попутно стараясь дозвониться до мужа. Телефон Виктора был недоступен, и она вскоре бросила попытки, написав сообщение с просьбой перезвонить. Затем последовала история о чудесном спасении. Она вышла скомканной и сумбурной. Тимур сам ещё не до конца осознал произошедшее.

Наталья же рассказала о том, как ездила к Виктору в больницу. Его реакция на безрассудство сына была ожидаема. Он был в ярости, без конца порывался встать и пойти разбираться, корил себя за то, что не сдал ружьё в утилизацию, когда получил его в наследство. Тимур понимал, что по возвращении отца из больницы ему предстоит тяжёлый разговор на повышенных тонах. Даже если генерал-полковник не солгал и последствий никаких не будет, сам поступок в глазах отца останется безрассудным. Между правильным и безопасным родители всегда выберут безопасное, если речь заходит об их детях. Родителям кажется, что их дети должны делать тот же выбор в отношении себя, с чем последние далеко не всегда согласны. Тимур решил, что не будет сглаживать углы и расскажет отцу всё как есть, кроме одной детали. О том, что ружьё вернут, он решил умолчать. На него были особые планы.

2

Город погрузился в сумерки. К тому времени *он* провёл в больнице около полутора суток, не приходя в сознание. *Его* разум погружался в чёрную вязкую пустоту, в которой отсутствовали пространство, материя и время. В этой пустоте было комфортно и тепло, словно ребёнку в утробе матери. Прерывать это состояние не хотелось. То, что подобным образом, вероятно, придётся провести вечность, не вызывало отторжения, отчего пустота затягивала в себя всё глубже и глубже. В один момент блаженство, даруемое пустотой, стало затмевать, вуалировать, а затем и вовсе подло прятать факт растворения в ней. За этой линией пустота становилась абсолютной, и не стало бы той сущности, которая могла бы себя ощущать. Она должна была стать частью этой абсолютной пустоты, как до неё бесчисленное количество других, сделав-

ших её такой титанически огромной. Но *он* не желал платить такую цену. Зацепившись за остатки самоощущения, *друг* начал прорываться прочь от пустоты. *Ему* не был известен путь, отсутствовал даже примерный вектор направленности движения, но казалось, что само движение и есть правильный путь. *Он* не ошибся. Пустота лениво, неохотно, словно любовница после страстной ночи, стала отпускать его. Разочарованная, она стала отнимать свои дары, положив начало пробуждению, которое без излишних сантиментов выбросило его в объятия боли, голодной, свирепой и такой же бесконечной.

Остатки блаженного безмыслия быстро растаяли. Словно заждавшийся хозяина пёс, тело тут же бросилось к разуму, суетливо забрасывая его сигналами о боли. Главным образом, они шли от головы, которая ощущалась монолитным пульсирующим куском свинца. Где-то в отдалении давала о себе знать потянутая лодыжка и ушибленное при падении плечо. Пошевелиться вышло не сразу. Тело затекло и замёрзло, отчего с трудом отзывалось на команды. Открыть получилось только один глаз, разглядеть им что-то внятное не удавалось, и *друг* всерьёз стал опасаться слепоты. Когда рука начала слушаться, *он* прикоснулся к лицу, почти полностью покрытому бинтами. Поправив один из них, сползший на глаза, *друг* не без облегчения отметил, что не ослеп. Этот факт его приободрил, и терпеть боль стало не в пример легче. Однако то, что открылось его взору, насторожило. Потолок, покрытый трещинами и жёлтыми пятнами, вызвал у него ощущение дежавю. *Ему* показалось, что он каким-то невероятным образом вернулся в далёкое и такое ненавистное детство – в тот день, когда очнулся в больнице. Тогда трое задиристых одноклассников подловили его после школы, сначала по очереди отвешивали пинки под зад, а затем столкнули в овраг, вдоль которого ему приходилось идти по дороге домой. Его худенькое тельце трепало во время падения, словно тряпичную куклу в аэродинамической трубе. Дети смеялись над ним, пока не увидели, что тот не шевелится, а по лицу течёт кровь. Испугавшись, обидчики сбежали, и *друг* остался жив только благодаря случайному прохожему, заметившему его тело на дне оврага. Правда, тогда он очнулся в полудреме, перед глазами все плыло и голоса слышались будто издалека. Сейчас же боли ничто не мешало занимать всё его сознание.

Отбросив воспоминания, *друг* решил во что бы то ни стало сесть. Получалось только слегка раскачиваться с бока на бок, каждое движение стоило невероятных усилий, изо рта невольно вырывались стоны. На звуки прибежала молодая с виду медсестра, невысокая, худощавая, но довольно широкая в бёдрах. Её халат хранил на себе следы неотстиравшейся крови, а белая шапочка, слегка съехавшая на бок, с трудом скрывала густые тёмно-русые волосы, собранные в хвост.

– Слава Богу, вы очнулись, – голос девушки был полон сочувствия. – Вы приехали в очень плохом состоянии. В один момент вас чуть не потеряли. Извините, вам, наверное, очень больно. Я ничем не могу помочь. В больнице закончилось обезболивающее после той аварии на мосту. Если вы перестанете дергаться, будет полегче. Меня, кстати, Диана зовут, а вас? Полицейские зачем-то забрали ваши документы, поэтому вашего имени я не знаю.

Друг притих, вспомнив, кто он такой и что с ним произошло. Упоминание сотрудников правоохранительных органов и вовсе вызвали в нём приступ паники.

– Простите. Я всё болтаю и болтаю. Уже в привычку вошло – забалтывать пациентов. Некоторым становится легче и они засыпают. Что только не придумаешь, когда нет лекарств. Вам что-нибудь нужно? Может, воды? – спросила доброжелательная медсестра.

Через сломанный нос воздух почти не проходил, дышать приходилось ртом, отчего в нём пересохло так, что не получалось сказать ни слова, поэтому *друг* едва заметно кивнул.

– Хорошо, одну минуту, – сказала девушка и вышла из палаты.

Друг закрыл глаза и, стараясь ровно дышать, начал рассуждать. Положение было незавидным, но не катастрофическим. Полиция не выставила охрану у палаты, а значит, не подозревала *его* ни в чём серьёзном. Потеря документов и оружия уже не играла роли, так как работа

«в поле» *ему* больше не грозила – с этим можно было смириться. Осталось только сбежать из больницы и добраться до новой базы, а этого не сделать, если не встать. Собравшись с духом, *друг* согнул ноги в коленях, повернулся на бок. Накатила тошнота, но *он* не обратил на неё внимания. Уперев ладонь в койку, *друг* начал поднимать корпус, стараясь одновременно скинуть ноги вниз. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать. Перед глазами залетали мушки.

– Вот, принесла, – сказала медсестра, вернувшись со стаканом воды. – Ой, что вы делаете? Вам рано. Ладно, давайте помогу.

Приняв вертикальное положение, *друг* припал к стакану вождеденной воды, ещё тёплой. Она пахла накипью и немного железом, но каждый глоток буквально возвращал *его* к жизни.

– Ещё, – просипел *он*, осушив весь стакан.

– Извините, не положено, придётся подождать. Мы не успеваем так быстро кипятить воду. Пациентов слишком много. А из-под крана пить нельзя, сами знаете, – с сожалением протянула медсестра.

– Помогите мне встать, – требовательно сказал *друг*.

– Вам сейчас ни в коем случае нельзя вставать, у вас может быть что-то более серьёзное, чем сотрясение мозга. И нос у вас сломан. Мы ещё повязку не меняли, – возразила девушка.

Друг вздохнул от отчаяния. В таком состоянии он не сможет взять под контроль строптивую медсестру, не стоит и пытаться, но её было необходимо заставить помогать. Его руки зашарили по карманам рабочих штанов в поисках кошелька, но его, как и документов, не было. В залитой кровью куртке не оказалось ни телефона, ни кобуры, но потайной кармашек с наличными был нетронут.

– Девушка, поймите, мне нужно бежать. Меня хотят убить, – начал импровизировать *друг*. – Я перешёл дорогу не тем людям, и вот что со мной стало.

– Вы в полицию заявляли? – медсестра резко посерьёзнела.

– Они с ними заодно. Поэтому и забрали мои документы. Прошу вас, вызовите мне такси, и я уеду из города, – взмолился *друг*.

Девушка крепко задумалась. Слова незнакомца не вызвали у неё сомнений. Результаты встречи не с «теми людьми» регулярно привозили в морг. Однако героиней она не была, отчего и помогать не торопилась. Из-за кошмарных условий в больнице пациенты нередко сбежали, едва почувствовав на то силы, но ни один из них не убежал в таком состоянии. Клубок окровавленных бинтов вместо головы тоже бросался в глаза, и вывести такого незаметно вряд ли получится.

– Девушка, я вас очень прошу, – добавил тоски в голос *друг*.

– Тихо, я думаю, – шикнула девушка и спустя пару секунд выглянула в коридор. Сделав одной ей известные расчеты, она вернулась и твёрдо спросила: – Трупом побудете?

– Не хотелось бы, – простонал *друг*, не поняв её.

– Да на время. Пока я вас буду везти на каталке, – принялась объяснять медсестра. – Если кто нас поймает, скажу, что перепутала. У нас такое уже бывало. Пациент один проснулся в морге, там все чуть со страху не померли.

– Ладно, ладно. Побуду. Только поскорее, – перебил *друг*, пока девушка не разболталась.

– Ладно. Куда такси заказывать?

– На вокзал. А там я уже сам.

– Чудно, – сказала девушка и тут же куда-то ушла.

Долго ждать её возвращения не пришлось. Спустя минуту в коридоре погас свет, а следом в палату въехала дребезжащая каталка.

– Перекладывайтесь скорее. Только поудобнее лягте, чтобы потом не шевелиться, – тараторила медсестра, часто дыша, и когда её указания были исполнены, накрыла пациента простынёй.

Друг почувствовал, что его куда-то катят. Поворот, следом ещё поворот, остановка. Звук многократно нажимаемой кнопки, злое девичье шипение сквозь зубы.

– О, Диана. А ты и не в курсе? Грузовой лифт опять сломался, – радостно сообщил мужской голос, словно этот факт мог кого-нибудь позабавить.

– А обычный ещё не починили. Чудно, – обречённо ответил знакомый женский голос.

– Да не расстраивайся. Сейчас практикантов позову, спустят, – ответил мужчина. Послышались шаги, затем отдалённый окрик, торопливый топот и напутственная фраза: – Чтоб не как в прошлый раз. Уроните, обоим за практику незачёт влеплю.

Друг мысленно похоронил свой побег и себя вместе с ним. Каталка снова куда-то двинулась, остановилась.

– Мальчики, только очень аккуратно, – послышался женский голос, оставшийся безответным.

Друг почувствовал, как его приподняло вверх, затем наклонило так, что он едва не скатился.

– Ну, ты, давай, выше держи.

– А чего опять я снизу тащу?

– Перед второй лестницей поменяемся. Как баба.

– Сам ты баба.

Послышалось дружное пыхтение. Каталку мотало из стороны в сторону, и *друг* рефлекторно ухватился за края, чтобы не упасть.

– Мать твою, да он шевелится.

– Член в твоей заднице шевелится. Тащи давай.

– Да я серьёзно.

– В тот раз у тебя тоже труп шевелился. Ссыкло, тошнит от тебя.

– Сам ссыкло.

– Мальчики, да сколько можно!

– Это он первый начал.

– Ещё и стукач.

– Вот видите.

– Всё, поставьте, дальше я сама, – с явным облегчением сказал женский голос, и каталка встала ровно на все четыре колеса.

Ленивая юношеская перебранка отдалилась вверх, и *друг* разжал сцепившиеся, казалось, намертво, пальцы.

– Придурки. Чуть ежей с вами не нарожала, – буркнула девушка, и каталка вновь пришла в движение.

На улице ждала темнота, запах остывающего асфальта и рокот автомобильного двигателя. Прежде чем скинуть простынь, медсестра долго чего-то ждала, затем сказала:

– Вроде никто не видит. Давайте скорее.

Хромая на одну ногу и опираясь на девушку, *друг* доковылял до такси, с трудом уселся на заднее сидение. *Он* успел лишь бросить короткое «спасибо» перед тем, как она захлопнула дверь и убежала.

– Господи, тебя что, из мясорубки достали? – проявил интерес водитель, взглянув в зеркало заднего вида.

– Почти. Езжай на вокзал. Дашь позвонить, оплачу по двойному тарифу, – просипел друг.

– Не могу отказать дорогому клиенту, – обрадовался таксист такой щедрости и протянул дешёвый кнопочный телефон. – У меня, если что, и покурить есть что. Если ты понимаешь, о чём я. Товар бомбический.

«У меня и своего должно быть до потолка», – подумал *друг*, набирая одиннадцатизначный номер.

На вокзале его уже ждали. Когда такси остановилось, из припаркованной неподалёку трёхдверной «Нивы» вышел водитель в сером рабочем костюме и помахал им рукой, привлекая к себе внимание. *Друг* расплатился с таксистом достаточно щедро, чтоб того обрадовать, но не больше разумного, чтобы не запомниться. Спустя полтора часа *друга* привезли на место. Спустившись нетвёрдой походкой в подвал старого здания на окраине соседнего города, *он* заметил, что там вовсю кипит работа. Рабочие занимались проводкой и установкой стеллажей. Крепкий коренастый мужчина руководил работой, не церемонясь в общении с подчинёнными. Это означало, что всё идёт по плану. Ему нечего бояться. Про вещи, оставленные в съёмной квартире, можно забыть, они всё равно непосвященному ни о чем не скажут. Можно, наконец, расслабиться. *Он* выполнил свою миссию.

Часть вторая

Глава седьмая. Ясновидящий

Понедельник, 4 сентября 2028 г.

1

Несмотря на то, что *друг* исчез из города, прошедшие выходные не стали спокойнее. День города, традиционно отмечающийся в первую субботу сентября, ожидаемо принёс богатый урожай раненых и убитых. Праздничного настроения не было ни у кого. Все обсуждали происшествя, коими была богата рабочая неделя. Тоска и ожидание чего-то ещё более худшего передавались от человека к человеку, словно вирус. Алкоголь послужил разрядкой накопившегося напряжения, и люди сорвались с цепи. Не успевала полиция разнять одну драку, как за ней тут же вспыхивала другая, ещё более массовая. Плюнув на это бесполезное занятие, хранители правопорядка принялись помогать медикам. И тех, и других не хватало. В один момент глава города принял решение остановить концерт, но публика драться в тишине наотрез отказалась. Толпа недовольных окружила сцену, полетели бутылки, и праздник тут же возобновили. Воскресный день был ненамного лучше. Жители города, отмечавшие праздник всю ночь, под утро начинали выяснять отношения, и вой сирен не прекращался весь день.

Тимур просидел все выходные дома. Субботним утром из больницы вернулся отец и полдня отчитывал сына за его глупый героизм, едва не закончившийся для него тюрьмой. Тот лишь кивал, потупив взгляд, и на все упрёки отвечал односложно, надеясь, что его пыл скоро иссякнет. Итогом гневной тирады стал запрет на посещение Дня города. Если бы Виктор чаще бывал дома, то наверняка бы знал, что сын и сам ни за какие деньги туда бы не пошёл. Однако Тимур не стал раскрывать все карты и старательно изобразил на лице смесь досады и смирения. Отец остался удовлетворённым, но не забыл о дедовском ружье, которое обещал уничтожить, попадись оно ему в руки. Тимур заверил, что оружие из полиции не вернут за нарушение правил хранения, и Виктор окончательно успокоился. Выполнив свою родительскую функцию, он устроился на диване перед телевизором. Ходить старался как можно реже – отбитый бок давал о себе знать. Тимур коротал время в кровати за чтением. В последнее время он не выпускал книги из рук. Только они помогали ему не думать о том, что произошло в квартире напротив. С наступлением ночи Тимур становился беззащитен. Ему часто снились кошмары, из-за которых он стал просыпаться чаще Алисы, и теперь уже она приходила к нему ночью, чтобы успокоить.

Утро понедельника Тимур встретил полностью разбитым ещё и потому, что пришлось вставать раньше обычного – у сестры был первый учебный день в школе. Несмотря на то, что торжественные линейки давно канули в лету, родители первоклашек продолжали наряжать детей как на праздник. Алиса не стала исключением. Наталья долго и кропотливо делала ей причёску, вплетая в неё цветные ленточки. Виктор по пятому разу гладил сшитое женой платье, по его мнению, ничем не хуже покупного. Тимур, ставший главным по кухне, готовил завтрак. Сколько ни старались, в график не уложились, потому ели торопливо и так же собирались. Виктор выбежал из дома первым – рвался на работу, боясь её потерять, хоть до полного выздоровления было далеко. Наталья вышла за ним, а следом и дети.

Школа встретила Алису старым повицветшим плакатом «С 1 сентября!» и парой блёклых шариков – как говорится, дёшево и сердито. Почему День знаний перенесли с пятницы на понедельник, даже не удосужившись поменять плакат, Тимур спрашивать не стал. Сестра попала в школу, что само по себе было невероятной удачей, и смотреть в зубы дарёному коню

не хотелось. По дороге на работу его поглотили куда более мрачные мысли. Если на прошлой неделе о произошедшем с ним знали несколько десятков человек, то после выходных обязаны были знать все – в маленьком городе сплетни разлетаются быстро, и одному Богу известно, какими выдумками обрастёт его история. Единственный друг Пашка, по одному взгляду понимающий, когда Тимур не в духе, поднимать эту тему не стал, отчего правдивым источникам информации брататься было неоткуда.

У проходной завода как обычно была небольшая очередь. Некоторые курили, стоя в створке. Парковочное место начальника пустовало – с тех пор, как он остался без машины, на его участок асфальта никто так и не покусился. Подходя к очереди, Тимур сразу заметил с десятков косых взглядов, устремлённых на него. Вздохнув, он встал в конец очереди, чтобы вместе с ней идти пингвиньим шагом навстречу серой трудовой неделе.

За его спиной шептались: в раздевалке, в курилке, в кладовке – везде. Проходя мимо, каждый смотрел ему в лицо, но тут же отворачивался, встретившись с ним взглядом. Чтобы не думать о коллегах, Тимур погрузился в работу, благо большая партия мелких деталей позволяла погрузиться в медитативное состояние, и время шло быстрее.

За пару минут до обеда к Тимурю пришёл Пашка. Редкий болтун, сплетник и шутник, он был на редкость серьёзен.

– Как ты? – непривычно тихо спросил друг.

– Не считая того, что отец в аварию попал, а потом я, убив человека, чуть на нарах не оказался, всё хорошо, – невесело хохотнул Тимур.

Поняв, что друг готов к откровенному разговору, Пашка сказал:

– Пойдём на ящики, поговорим.

Ящиками они называли стопку паллетов, уложенных в форме дивана и покрытых рыжим от старости поролоном. Неустойчивая грязная конструкция была довольно уютной, стоило на ней усесться и замереть. Тимур, вопреки ожиданиям, говорил от силы минуты две, изложив самую короткую версию событий – услышал крики, пришёл на помощь, сосед набросился, пришлось стрелять. Посадили бы, но повезло, отмазали.

– А то, что он в тебя из пистолета стрелял, это так? Мелочи? – возмутился Пашка. – И то, что пистолет не его, а какого-то мутного журналиста, который с расквашенной рожей из больницы сбежал?

– А ты откуда... – изумлённо поднял брови Тимур.

– И потерпевших в квартире было двое. Второй – участковый ваш. Его отец – генерал какой-то, он тебя отмазал, – окончательно добил Пашка.

– Нет, скажи! Откуда ты всё это знаешь? – Тимура перекосило от удивления.

– Тим, я тебе не хотел говорить. Даже мама не знает, – Пашка запнулся, глянул с сомнением на приятеля, но, понизив голос, продолжил: – В общем, ясновидящий я. Или медиум, как хочешь называй. Я во сне всё это видел.

– Ты? Да ладно? Чего раньше не сказал? – растерянно спросил Тимур.

Пашка неожиданно изменился в лице, согнулся, задёргался и совершенно бестактно заржал.

– Да мне Сашка, мент с первого этажа, рассказал, – задыхаясь от смеха, пробормотал он. – Но ты бы видел своё лицо.

– Ну и сволочь же ты, Паш. Ещё друг, называется, – обиделся Тимур, всерьёз намереваясь уйти.

– А раз друг, то и нечего от меня всё скрывать. Почему я должен у соседа-козла за тебя выпрашивать? Так что квиты. Мир? – Пашка протянул оттянутый мизинец.

– Мир, мир. Только грабли свои грязные убери, – улыбнулся Тимур.

– У самого-то, – деланно оскорбился Пашка.

– Слушай, а тот человек, чей пистолет, правда из больницы сбежал? – посерьёзней Тимур.

– Ага. Причём без документов и кошелька. В больнице говорят, что он у них чуть не помер. И в сознание не приходил. А потом раз – и пропал, – на этот раз Пашка точно не шутил.

Тимур снова вспомнил слова отставного военного:

«Эти узкоглазые что-то задумали. Я воевал с ними, я знаю их породу. На этот раз они придумали что-то на редкость хитрое, пакостное» – говорил спятивший от пьянства и одиночества сосед.

– Чего задумался? – спросил Пашка.

– Да так, о своём, – отмахнулся Тимур.

– Понимаю, тебе не хочется всё это вспоминать. Я знаю, что тебе поможет, – Пашка открыл карман рабочей куртки и достал шуршащий фольгой блистер с таблетками. – Держи. От сердца отрываю.

Тимур взял в руки упаковку, покрутил в руках. Белые круглые таблетки, похожие на миниатюрные хоккейные шайбы, выглядели как банальный анальгин. Однако надпись черными буквами по серебристой фольге гласила «PANAX».

– Панакс? Не знаю таких, – с сомнением сказал Тимур.

– А ты у нас фармацевт, я погляжу, – съехидничал Пашка.

– Нет, но... Откуда ты их взял?

– Да пацан один вместо долга отдал. Говорит, новая разработка. Хорошее успокоительное без сонливости и прочих побочных. Попробовал – и правда. Лишние мысли в голове рассосались, как тараканы по щелям. Хорошо сразу стало. Сплю как убитый, без снов. Просыпаюсь, полон сил. Правда, потом Серёге такие же просто так на улице дали, так что за долг я ещё спрошу.

– Паш, ты больной? – Тимур чуть не подпрыгнул. – А если это наркота какая?

– Сам ты наркота, – Пашка даже ухом не повёл. – Кто ж на улице будет раздавать наркоту, ещё и бесплатно? Тем более сам смотри – зрочки нормальные, на «ха-ха» не пробивает, глюков никаких нет. Мне просто хорошо, будто дзен познал, – сказав это, он сложил вместе ладони и затянул приглушенное закрытым ртом «ом».

– Ты, буддист хренов, – Тимур грубо дернул друга за плечо. – У нас в аптеке валерьянка стоит как пол-литра «пшеничной», а тут суперлекарство бесплатно на улице раздавать стали?

– Тима, вот вечно ты всё усложняешь, – примиряющее сказал Пашка.

– А ты упрощаешь, – повысил голос Тимур.

– Ну, так поэтому я и счастливый, – Паша выдавил самую идиотскую из всех своих улыбок и пожал плечами. – А ты всю жизнь на ровном месте исходишь на фекалии. Успокойся. Всё хорошо. Твой отец жив. Ты на свободе. Я никакой не наркоман. Расслабься ты, наконец. Сам-то не устал дёргаться по любому поводу?

Тимур задумался. По правде говоря, он устал, но ничего не мог с собой поделать. Страх перед будущим всегда мешал ему насладиться настоящим, и только книги помогали ему отвлечься. Он попытался вспомнить моменты, когда страх его отпускал. На ум пришли только редкие посиделки с Пашкой на крыше недостроенной многоэтажки, когда они вдвоём сидели и пили домашнее, довольно крепкое вино, наблюдая за городом сверху вниз. Разговоры о девушках, музыке и кино неизбежно переходили к глубоко философским вопросам, а от них совершенно неожиданно скатывались к примитивному мальчишескому юмору. Спускаясь по лестнице недостроенного дома нетвёрдой походкой, Тимур не задумывался тогда о том, что один неосторожный шаг может закончиться падением с высоты и неминуемой смертью. В те мгновения он позволял себе плыть по жизни, довериться ей, получать удовольствие от одного ощущения себя живым. Сколько он ни пытался поймать это настроение трезвым, в обычной жизни, ничего не выходило, отчего его неминуемо возвращало на привычные рельсы страха.

– Ладно, извини, – сдался Тимур. – Я постараюсь не быть такой занозой в заднице.

– Вот и молодец, – дружелюбно ответил Пашка. – Так может, таблеточку?

2

– Доброе утро, уродина, – лишенным эмоций голосом сказала Надин, глядя в зеркало.

С момента, как она пришла в сознание, прошло чуть меньше недели. За это время ей пришлось упасть на такое дно, что прошлая жизнь стала казаться сказкой.

Больничная палата, в которой очнулась Надин, больше напоминала лежанку бомжей, с той лишь разницей, что спали больные не на полу, а на нещадно скрипящих кроватях с панцирной сеткой. Окна были настолько грязные, что сквозь них еле пробивался солнечный свет. Растрескавшаяся от старости краска падала хлопьями со стен. Вспученная штукатурка сыпалась на пожелтевшее, местами рваное, постельное бельё. Кое-где на полу стояли ёмкости для капающей с потолка воды.

Едва вспомнив, что натворила, Надин пожалела, что не потеряла память, а спустя час – что не умерла в огне вместе с родными. Глаза не высохали от слёз, и даже зудящие под бинтами ожоги не могли отвлечь ее от мысли – «я убийца, я убила всю свою семью».

Однако когда ненависть к себе немного утихла, рассудительная часть Надин начала задавать простые и логичные вопросы.

– Для начала, с какого бодуна ты вообще всё это устроила? Проснулась такая и решила, а почему бы не вернуть матери должок? Так что ли? Нет, нет, так не бывает. Я не могла этого сделать. Видит Бог, *хотела*, но не могла.

Раз за разом вызывая в памяти то утро, Надин не могла вспомнить ни единой мысли, ни единой вещи, что могла подвигнуть её это сделать. Она просто встала и пошла жечь отчий дом. Сжигать семью в ее планы, конечно, не входило, но то, что говорила мать... То, *как* она это говорила! Надин не могла с чистой совестью сказать себе, что поступила бы по-другому в тот момент, будь у нее возможность всё исправить. Ненависть и обида, что тлели в ней все эти годы, вспыхнули от слов матери с такой силой, что уничтожить её ценой собственной жизни в ту секунду казалось единственным верным выходом.

Однако даже тот факт, что Надин осталась жива, мало что менял. За тройное убийство ей полагалась смертная казнь, а мораторий на её применение был давно снят. Исключение делали только для работоспособных мужчин не старше сорока лет, но и тех отправляли на такую каторжную работу, что больше половины не выдерживали и года. Надин смирилась со своей участью, более того, считала её заслуженной, но что-то в её мыслях не сходилось. Она не могла понять, почему её лечили. Даже для обычных больных, ни в чём не виновных, не хватало лекарств. Многие покупали их за свои деньги или выписывались недолеченными, так какой смысл тратить на смертницу?

Ясность внесла пришедшая с осмотром медсестра. Болтливая круглолицая женщина с порога начала сочувствовать потере Надин и заверила, что её лечение взял под контроль лично главврач больницы.

– Это безобразия, конечно, – тараторила медсестра, меняя Надин бинты. – Люди платят за газ, и всё равно приходится пользоваться баллонами. У нас дома то же самое. Я теперь подходить к плите боюсь. Вдруг, как у вас, взорвется? Бедняжка. Мне вас так жалко. Этих газовиков всех наказать надо.

При слове «наказать» Надин передёрнуло. Ей казалось, что она вот-вот вспомнит нечто важное, но мысль ускользала от неё.

– Ой, простите меня. Зачем напомнила, – приняла реакцию на свой счёт медсестра.

Надин вновь вернулась в реальность и поняла одну важную вещь. Никто её сажать не собирается. Из-за пожара взорвался газовый баллон, но все считают, что было наоборот – взрыв вызвал пожар. Надин почувствовала невероятное облегчение, а следом и осязаемый укол совести. Ещё минуту назад, готовая принять наказание в виде смерти, она радовалась, что её

избежала. Конечно, это было нечестно, но признаться в убийстве её не заставила бы никакая совесть. Она решила, что жизнь дала ей второй шанс, и им нужно воспользоваться. Вскоре Надин поняла, что заплатить за этот шанс ей придется немало.

Проведя в больнице, казалось, целую вечность, Надин ждала выписки, как ребенок Нового года. Она понимала, что ожоги не пройдут бесследно, и была готова к следам на теле, но только не на лице. Увидев себя в зеркале без бинтов, Надин проплакала больше часа. Бугристый ожоговый шрам расплзся уродливым пятном почти по всей левой части головы. Его неровная граница шла по дуге от середины лба к основанию челюсти, а оттуда через всю шею почти до затылка. Над обгоревшим сморщенным ухом пролегла кривая, образуя странный пробор, над которым мерзким клоком торчали неравномерно сторевшие волосы. Она пыталась зачесать оставшиеся длинными пряди на левую сторону, прикрывая обожженную часть лица, но результат выглядел скверно. Неухоженные сухие волосы не слушались, торчали причудливыми узорами во все стороны, но Надин сочла, что так всё же лучше.

Покидая палату, она с удивлением обнаружила, что ей не в чем идти домой, кроме как в больничной одежде. Деловой костюм пострадал от огня и стал непригоден. Привезти ей одежду из дома было некому. Болтливая медсестра, узнав об этом, взялась ей помочь и выдала весьма неплохой костюм взамен. Надин была удивлена и решила спросить, откуда такое богатство, но сразу пожалела об этом.

– Да одна женщина, владелица какого-то магазина, умерла недавно в платной палате. За вещами никто не пришёл. Не пропадать же добру. Я вообще для себя откладывала, но вам нужнее, берите, – без смущения пояснила медсестра.

Надин была в шоке, но делать было нечего. В одежде мертвеца всё же лучше, чем возвращаться домой голой. Костюм, как ни странно, пришёлся впору. Другая медсестра помогла ей навести порядок с причёской, используя лишь расчёску, смоченную водой ладонь и пригоршню заколок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.